

У босса ♡
= все под =
контролем!

Варвара Корсарова

18+

Варвара Корсарова

У босса все под контролем!

«Автор»

2026

Корсарова В.

У босса все под контролем! / В. Корсарова — «Автор», 2026

«Ни дня без приключений» – это не мой девиз. Это моя жизнь. Со мной постоянно случается что-то нелепое или неприличное, и я ничего не могу с этим поделать. Мой босс Гаранин, напротив, одержим контролем. У него всегда все по плану. Я сбегаю в неположенный отпуск, наврав боссу с три короба. И встречаю в отеле Гаранина. Он поймал меня с поличным! Теперь быть беде если только я не научу своего шефа любить непредсказуемость. А он намерен научить меня дисциплине. Что же из этого выйдет? Книга была написана в 2022 г. Присутствуют упоминания алкогольных напитков и сцены их распития.

© Корсарова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Девушка «Ни дня без приключений»	5
Глава 2. Битва за блинчики	12
Глава 3. Игра в кита	21
Глава 4. Рыжий дедушка Мороз	30
Глава 5. Разгром библиотеки	37
Глава 6. Чудовище в кустах	47
Г	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Варвара Корсарова

У босса все под контролем!

Глава 1. Девушка «Ни дня без приключений»

«Ни дня без приключений» – это не мой девиз. Это моя жизнь.

Я не ищу приключений. Они сами находят меня с редким упорством.

Подруги говорят: ты так интересно живешь! С тобой постоянно что-то случается!

Они обожают мои рассказы. О том, как в жаркий день поливальная машина устроила мне освежающий душ. Или о том, как из проезжающего грузовика меня осыпало цветами. Или о том, как я познакомилась со знаменитым блогером и рэпером Никодимом.

Но на деле все эти приключения имели неприглядную сторону.

Я шла на важное собеседование, когда мыли улицы, и случайно попала под струю. Платье было испорчено, собеседование не состоялось.

Дальше – цветы из грузовика. Дверца в машине распахнулась, ящик перевернулся, и меня засыпало розами. Шипастыми, как колючая проволока. Потом две недели знакомые атаковали дурацкими вопросами: Нина, у тебя кошка взбесилась? Или ты с соперницей подралась?

Со знаменитым певцом вышло и вовсе гадко. Никодиму было скучно, он решил устроить пранк. Поставил в приложении для знакомств чужую фотку, расписал себя как идеального мужчину, а потом явился на свидание, весь такой знаменитый, блистающий и самовлюбленный. Решил осчастливить случайную дурочку. Напропалую хвастался и мерзко шутил над моими волосами. От него сильно пахло потом. Под конец свидания я сбежала от знаменитости через служебный выход в кафе. А он на следующий день написал про меня издевательский пост на своей странице.

Каждый раз, когда я выхожу на улицу, гадаю: что еще нелепое со мной случится? Какое приключение ждет меня не дождется, потирая кривые ручонки и злобно хихикая?

Однако я научилась принимать подарочки судьбы с улыбкой. Ведь и правда – у меня все дни запоминающиеся! На вечеринках всегда есть что рассказать. Мои байки превращаются в анекдоты.

Я умею смеяться над собой и обстоятельствами и наслаждаться непредсказуемостью.

И твердо верю, что когда-нибудь мои передраги выйдут на новый виток. И со мной случится самое прекрасное и сногшибательное приключение на свете!

...Но пока я хожу по улицам с оглядкой. Это не всегда помогает. Не проходит ни дня, чтобы меня не угораздило во что-нибудь вляпаться.

Я стараюсь свести свою невезучесть к минимуму. Напоминаю себе, что всего-то нужно – соблюдать писанные и неписанные правила.

Но как же я не люблю правила и ограничения!

Однако когда подруга Эля пригласила меня на девичник, я все тщательно спланировала. Меньше всего я хочу испортить ее праздник.

Эля – человек масштабный. Когда покупает кофе, добавляет в него все сиропы, какие есть у баристы. Идет в косметический салон – пробует все процедуры подряд. А если организует девичник, то он будет длиться целую неделю.

Перед свадьбой Эля решила погулять с размахом: забронировала номера в крутом загородном отеле. И поставила ультиматум: или ты приезжаешь, или дружбе конец. Потому что женская солидарность важнее какой-то там работы.

Вот только с «какой-то там работы» непросто улизнуть на целую неделю. Придется взять отпуск за свой счет на пять дней. Ну, и два выходных в придачу.

Повздыхав и прикинув, сколько потеряю в зарплате, написала заявление и сегодня несущего в приемную.

С завождем Инесой все согласовано, она славная тетка. Нужна лишь ее подпись – чистая формальность. Я не жду никаких подвохов.

Но подвох ждет меня в приемной. В лице генерального директора Самсона Викторовича Гаранина.

Не знаю, каким злым ветром его выдуло из головного офиса и занесло в наш филиал. Но вот он, Гаранин собственной персоной – стоит за спиной секретарши и пялится в ее компьютер. Высокий, широкоплечий, рыжебородый, похожий на разбойника.

Когда я вижу его, сердце екает, а щеки заливают жар. Тихонько пчусь к двери, чтобы незаметно сбежать.

Гаранин поднимает голову, смотрит на меня ореховыми с прозеленью глазами, хмурится, припоминая (о, я знаю, что он припоминает!) и говорит тоном крайнего неудовольствия:

– Иволгина? Вы с каким вопросом?

– Ерунда... попозже зайду... – бую я.

Черт, он и фамилию мою не забыл!

– Она заявление на административный отпуск принесла! – весело сдает меня секретарша Сюзанна, глупая, как ее имя.

– Отпуск? В такое время? – недобро удивляется Гаранин. – Ну-ка, дайте сюда ваше заявление...

Под его немигающим взглядом я коченею. Как загипнотизированная подхожу к нему и протягиваю бумажку.

Пока он читает мое заявление, я несмело изучаю его лицо.

У шефа яркая внешность. Его хочется рассматривать. У Гаранина волосы и борода сочного имбирного цвета – спаниели бывают такой масти. И еще ирландские лепреконы. А вот брови темные. Контур лица четкие, грубоватые, совсем нет размытости черт, свойственной рыжеволосым. И наверняка нет души – так ведь говорят про рыжих?

Гаранин просматривает заявление за полсекунды. Он владеет быстротечением. Интересно, он во всем скорострел?

– Так, – он опускает мое заявление. – Зайдите в кабинет, Иволгина. Поговорим. Девушка, кофе мне сделайте, пожалуйста.

Сюзанна подпрыгивает к кофеварке, Гаранин шагает в кабинет завождем.

Начальницы нет – где-то бегают. Защитить меня некому.

На дрожащих ногах иду за Гараниным.

Вот подстава так подстава!

Это моя третья встреча с генеральным. Первая встреча закончилась одним из самых постыдных эпизодов в моей жизни. Именно такие вещи вспоминаешь в два часа бессонной ночью и стонешь в подушку от унижения.

...Все случилось на новогоднем корпоративе. За два месяца до этого я положила глаз на Колю из отдела аналитики.

Коля у нас красавец и балагур, звезда офиса. Однажды он сел за мой столик в кафе во время обеда, сделал комплимент – сказал, что я «изящно ем» (в тот день я умудрилась не заляпаться подливкой и не уронить тарелку), а потом взял в привычку заглядывать ко мне в кабинет и травить байки.

И готово: я решила, что он ко мне неравнодушен и что это чувство взаимно.

Однако шли недели, Коля дальше шуточек и подколов не двигался. На свидание не приглашал, звонил только по работе.

Я уже все перепробовала: и одеколон его хвалила, и невзначай сталкивалась с ним в коридоре, и домашним печеньем угощала. Коля на следующий день обливался одеколоном с ног до головы, в коридоре подмигивал, печенье трескал за обе щеки.

И все.

Мне взбрело в голову, что он стесняется.

Подруга Эля посоветовала действовать решительно. Сделай первый шаг, говорила она. Мужики нынче трусливые, бестолковые, надо брать и хватать, за загривок и в стойло, твердила она. Бери пример с меня! – приказывала Эля.

Эля знает, о чем говорит. Семь лет назад она увела у меня парня, за которого теперь выходит замуж... Мою первую школьную любовь. Ну, да я не в обиде. Честно.

Главное, ее методы работают.

Значит, стоит к ней прислушаться.

У меня созрел план. Приближался новогодний корпоратив: коллеги будут навеселе, будут дурачиться, а значит, мне все сойдет с рук. Выберу момент и как бы в шутку поцелую Колю! Если не отшатнется в ужасе – дело на мази.

На праздник начальство велело всем явиться в карнавальных костюмах. Я сшила себе наряд Красной Шапочки.

А Коля явился в костюме волка! Нацепил мохнатые уши и меховую жилетку, к поясу приладил хвост.

Я сочла это добрым знаком и приободрилась. Мы с Колей на одной волне! Он оделся не Суперменом, не мушкетером, а волком. Сама судьба велит нам стать парой.

Когда я вошла в зал, Коля подкрался, зарычал на ухо, обхватил меня в охапку и поинтересовался, не несу ли я в корзинке пирожки для бабушки. Я отшутилась, Коля убежал к столам с закусками и шампанским, а я стала ждать подходящего момента, чтобы осчастливить его поцелуем.

Момент скоро подвернулся.

Организатор затеял конкурсы между отделами. Повесил на стену мишень, роздал командам дротик и велел метать.

Поединок разгорелся нешуточный. Коллеги кричали, хлопали и скандировали. Каждый болел за своего чемпиона. Но победа была в кармане у нашего отдела связей с общественностью, потому что к мишени вышла Инесса, а она в выходные пропадает в тире – такое у нее увлечение.

Когда команда побеждает, болельщики ликуют, целуются и обнимаются. Вот и подходящий момент, решила я. Подкрадусь к Коле, и, когда Инесса разобьет соперников, кинусь ему на шею.

Что может пойти не так?!

Я долго искала Колю в толпе и наконец увидела мохнатый жилет и уши торчком.

Коля встал отдельно от коллег, за колонной, возле елки. Значит, мы будем скрыты от глаз посторонних. Очень удобно, если он захочет ответить на поцелуй.

Я старалась не думать о том, что он может и не захотеть. Его знаки внимания были очевидными.

Коле нужен только повод! Надо верить в себя и свои женские чары.

Я пробралась между разгоряченными и кричащими коллегами и заняла позицию за Колиной спиной. Он загораживал от меня участников, я лишь слышала упругие удары дротиков о мишень – Инесса била наповал, у ее соперников не было шансов.

Гремела музыка и аплодисменты, волшебным пахло елкой, мандаринами и духами. Мне было радостно и легко. Сердце приятно подрагивало от предвкушения.

– Последний бросок! – возвестил ведущий.

– И-нес-са! И-нес-са! – скандировали коллеги.

Дротик со свистом рассек воздух, стукнулся о мишень, в зале поднялась буря аплодисментов и криков.

– Пиар – чемпион! – вопила бухгалтерша Света.

Хлопнула пробка шампанского, и я пошла в атаку!

– Коля, мы победили! – взвизгнула я, поднырнула под его локоть, кинулась ему на шею и чмокнула его в губы.

И тут же поняла, что дело неладно.

Во-первых, от Коли пахло незнакомым одеколоном. Не тем приторно-мускусным, который я так усиленно нахваливала. Меня окутал аромат имбиря.

Во-вторых, меня уколола щетина. Час назад Коля был гладко выбрит.

Но поразмыслить об этих странностях не получилось, потому что на мой поцелуй ответили, да еще как!

Мужские губы агрессивно прижались к моим губам, а сильная рука обхватила меня за талию железным кольцом и сжала так крепко, что я беспомощно пискнула.

В тот же миг в голове зазвонил тревожный набат, и я попыталась вырваться. Но мужчина подался вперед и не дал прервать поцелуй, который получился еще более жарким. Теперь у меня кружилась голова не только от паники, но и от возбуждения.

Тут же меня охватил гнев. И на мужчину, и на себя, за то, что я получала от этого поцелуя удовольствие.

Он целовал так, как будто сердился на меня за самоволие и хотел показать, кто тут хозяин и у кого все под контролем.

Весомо доказав и показав, он разжал руку и шагнул назад.

Теперь я хорошенько рассмотрела его. Это был незнакомый бородатый мужчина, наряженный в костюм волка – такой же, в каком красовался Коля!

– Поздравляю, – сказал он серьезно. – Ваш отдел одержал полную победу.

– Вы кто такой? – задала я самый глупый вопрос на свете. Да еще и добавила: – Вы чего полезли ко мне целоваться?!

– Нет, это вы ко мне полезли, – поправил бородатый сурово.

За моей спиной послышалось покашливание. Я обернулась – там стояли свидетели моего унижения. Бухгалтерша Света, старший специалист Наташа и Коля-аналитик собственной персоной. Глаза у всех были круглые, а Коля глупо ухмылялся. Физиономия у него покраснела от шампанского, отчего он потерял весь свой шарм.

За ними стояли и другие – и все стали свидетелями нашего поцелуя с незнакомцем, с этим волком в волчьей шкуре.

– Нина, это Самсон Викторович, наш генеральный, – тихо подсказала Света.

– Да, это я, – подтвердил бородатый, и его разбойничьи глаза насмешливо сверкнули. – И я тоже болел за Инессу Львовну. Надо же, она ни разу не промахнулась! Разделяю ваш неумный восторг.

Мне бы рассмеяться, отшутиться, но я запаниковала. И поступила, как робкая девятиклассница – бросилась наутек.

И тут случилась вторая, самая позорная часть моего злоключения. Моя пышная юбка зацепилась за елочную ветвь, зазвенели украшения, ель накренилась и повалилась на меня, больно хлестнув ветками по спине. Я упала на четвереньки и получила елочным шариком по темечку.

Вокруг разом закричали:

– Лови! Держи!

Самсон Викторович спас ситуацию – успел ухватить рукой ствол и удержать дерево, как натуральный мифический силач Самсон.

Я выбралась из-под елки. Мои щеки горели, а вот попе было отчего-то холодно.

– Нина, юбка! – страдальчески воскликнула Света.

Я схватилась за спину и обнаружила, что юбка задралась до лопаток, и все сотрудники компании «Офис Мастер» любят мои алыми стрингами – в тон шапочке. Костюм также включал в себя белые чулочки с подвязками, так что зрелище получилось пикантное.

Из зала я вылетела пулей и больше не вернулась. Света вынесла мне сумку и долго, сквозь смех и слезы, уговаривала плюнуть и забыть.

Но мне было не до смеха. Потому что сквозь стену в туалете я слышала, как в курилке Коля рассказывал о происшествии приятелям, которым не удалось им насладиться. При этом он ржал как гусарский конь.

Я возненавидела его в тот же момент и поклялась при случае посыпать ему в кофе слабительное. Но Коля вскоре после Нового года уволился и тем самым спасся.

Да я уже к тому времени и остыла. Неловкие моменты я переживаю ровно один день и ночь. Рефлексия – самое бестолковое занятие на свете. Что случилось, то случилось.

Да и что случилось? Ничего страшного. Подумаешь, обозналась, поцеловалась с генеральным директором, опрокинула елку и показала свою попу в стрингах всему офису.

Пфф! Дело житейское.

На следующее утро я вовсю смеялась над своим новогодним приключением Красной Шапочки и Волка. Хотя потом старалась вспоминать его пореже.

Второй раз с генеральным директором столкнулась сразу после новогодних праздников. Пришла в офис и увидела его возле кофе-автомата. Он тыкал пальцем в кнопки с таким важным видом, как будто запускал космический корабль.

Поднял голову, заметил меня и кивнул.

Пришлось подойти. Куда деваться? Извиниться-то нужно.

– Здравствуйте, Самсон Викторович, – залепетала я. Голос у меня стал тонкий, глупый. Потому что Гаранин смотрел меня с эдаким зловещим прищуром. – Я Нина Иволгина из отдела маркетинга. Помните, которая на новогоднем корпоративе...

– Прекрасно вас помню, Красная Шапочка. Такое не забудешь, – ледяным голосом ответил Гаранин.

– Я хочу извиниться, что поставила вас в неловкое положение. Видите ли, я приняла вас за другого.

– За кого?

Вот уж чего я не ожидала, так такого вопроса.

– Неважно, – ответила я с достоинством. – Просто я вас перепутала со спины с другим мужчиной в костюме волка.

– Да, припоминаю, был там еще один волк. Мне выдали костюм организаторы. Вашему коллеге, видимо, тоже. Что ж, спасибо, что объяснили. А то я боялся...

– Боялись?

Я совсем растерялась от его объяснений.

– Что вы все подстроили и собираетесь обвинить меня в домогательствах.

– Да ничего подобного! Я вовсе не хотела лезть к вам с поцелуями, я же объяснила! Зачем мне вас домогаться? Вы же наш генеральный директор! Да я... просто не вижу в вас мужчину!

После этого он как-то напрягся и посуровел.

– Я вас понял. Да, нам стоит забыть этот инцидент.

Он забрал стаканчик из автомата, отвернулся и ушел, как будто меня тут уже не было.

Я постояла немного, глядя в его широкую спину, и мысленно чертыхнулась.

Что за человек такой! Я извинилась, расставила все точки, но отчего-то после разговора стало еще муторнее.

Я дала себе слово избегать генерального всеми правдами и неправдами. Потому что инцидент так и не забылся, не померк.

К счастью, избегать Гаранина оказалось легко. Он торчал у себя в головном офисе, а когда заезжал в наш филиал с проверкой, то мне на глаза не попадался. До сегодняшнего дня...

И вот я сижу перед ним, краснею и бледнею, а в голове роятся воспоминания о том поцелуе и последовавшей сцене.

Самсон смотрит на меня не мигая. Он в этом мастер, сову может в гляделки обыграть.

– Вы просите отпуск за свой счет. Целых пять дней.

Киваю.

– Время вы выбрали неудачное. Мы запускаем новый проект, на отдел маркетинга свалится много работы. В ваше отсутствие ваши обязанности придется выполнять другим сотрудникам.

– Инесса Львовна разрешила... Она не против!

– Заявление составлено не по форме. Вы не указали причину, по которой вам нужен отпуск. Это может быть рождение ребенка, вступление в брак, смерть близкого родственника. В таком случае вы должны предоставить подтверждающие документы. Какая причина у вас?

Смотрит на меня выжидательно.

– Вы собрались замуж?

Мотаю головой.

– У вас кто-то умер?

В его голосе слышны нотки участия.

– Нет, все живы-здоровы, тьфу-тьфу-тьфу... Но, видите ли...

Лихорадочно думаю, что ему сказать.

На девичник он меня ни за что не отпустит, даже гадать нечего. Что бы такое уважительное придумать, чтобы документы не показывать?

Не люблю лгать. Могу слегка приврать время от времени, но только когда это не грозит ничем серьезным, или когда я не хочу расстраивать человека.

Ты никогда не знаешь, к чему приведет ложь. Чаще всего она не заканчивается ничем хорошим. Ложь – это всегда опасное приключение, а мне их и так хватает выше крыши.

Хлопает дверь, в кабинет wpłyвает Сюзанна. В руках у нее поднос с кофе.

– Мне нужен отпуск... по состоянию здоровья, – мямлю наконец. – Нужно пройти кое-какие медицинские процедуры.

– Вы серьезно больны?

– Нет-нет! Ничего страшного, но... надо. Это... косметические процедуры!

Я вспомнила, как Эле год назад неудачно сделали коралловый пилинг и ободрали кожу на лице почти до мяса. Она потом неделю из дома не выходила. На работе как-то выкрутилась. Но у нее все проще, она художник, в галерее служит. Не знаю, чем она там занимается, но каждый день ей там появляться не обязательно.

– Ого! Ты все же собралась делать пластику груди? – с детской непосредственностью спрашивает Сюзанна, с грохотом ставя поднос перед Гараниным. Он вздрагивает и ошарашенно смотрит на секретаршу.

Сюзанна – воплощение красоты, глупости и незамутненной наглости. Она игнорирует субординацию и любит вставить свои пять копеек в любой разговор. Инесса взяла ее к себе, потому что Сюзанна – дочь ее подруги. Инесса слишком добрая, ей это часто боком выходит.

– Я слышала, как вы с девочками об этом говорили! – поясняет Сюзанна.

Теперь я смотрю на нее обалдевшими глазами. Что, черт побери, она имеет в виду? Какая к лешему грудь?

Гаранин переводит взгляд на меня.

– Разве вам необходима операция по увеличению груди? – довольно робко спрашивает он. И косится на мою грудь. Она у меня почти третьего размера, но кажется больше, потому что я худенькая.

– По-моему, у вас... кхм... все в порядке... и даже более того...

– Да она не увеличивать, а уменьшать будет! – объясняет Сюзанна снисходительно. – Знаете, как тяжело жить женщине с большой грудью? Во-первых, сложно заниматься спортом. Во-вторых, нагрузка на позвоночник, боли в спине. Невозможно вдохнуть как следует, потому что сдавливается грудная клетка. А еще не все любят пристальное внимание мужчин. Девушки с большой грудью чувствуют себя сексуальным объектом, а не личностью!

Гаранин торопливо отводит глаза и краснеет. Как у всех рыжеволосых, у него светлая кожа, и румянец заметен даже под бородой.

Я убиваю Сюзанну взглядом. Это ж надо быть такой идиоткой в двадцать два года! Но этой идиотке удалось невероятное – она смутила и вогнала большого босса в краску.

И мне польстила заодно. Или наоборот: завуалированно дала понять, что считает меня коровой с призовым выменем?

А она посылает мне ободряющую улыбку и подмигивает: вот мол, какая я молодец, выручила тебя!

– Самсон Викторович, у меня другая ситуация! – говорю с отчаянием. – Все не так. Видите ли...

– Довольно. Избавьте меня от жутких подробностей.

Он хватает ручку и ставит на моем заявлении размашистую подпись.

– Полагаю, после операции вам понадобится период реабилитации, – говорит он с отвращением и пододвигает ко мне заявление. – А вы просите лишь пять дней. Вы уверены, что потом будете в состоянии работать?

– Да, конечно, – отвечаю в полной растерянности.

– Тогда возьмите в клинику ноутбук. Поработаете удаленно, в палате. Можете идти.

Он хватает кружку и делает судорожный глоток. Обжигается и кашляет. Кажется, он в шоке и от Сюзанны, и от меня.

– Спасибо!

Хватаю заявление и выбегаю в приемную. Следом за мной выходит гордая собой Сюзанна.

– Ты что ему наплела? – набрасываюсь на нее. – Кто тебя просил?!

Сюзанна обиженно хлопает ресницами.

– Нина, не надо стесняться о таком говорить! Мужчины должны знать о наших женских проблемах. Только тогда они станут нас понимать и уважать, – заявляет она с апломбом.

– Когда это я говорила, что собираюсь уменьшать грудь? Что за бред?!

– Я сама слышала, вы со Светой об этом болтали!

Блин. Вспоминаю: и правда, болтали, было дело. Месяц назад примерно. Мы говорили о какой-то актрисе, которая пошла на такой шаг. А Сюзанна услышала и сделала неправильные выводы.

Машу на нее рукой и иду к себе. Ладно, что сделано, то сделано. Подписанное заявление у меня в кармане, и завтра я еду с девчонками праздновать!

А если Гаранину понадобится справка, или другие доказательства – там и придумаю что-нибудь. Да он обо мне и не вспомнит. А уж с Инессой я это дело улажу. Она первая со мной посмеется над этим недоразумением.

Глава 2. Битва за блинчики

Остаток рабочего дня меня терзают противоречивые чувства.

С одной стороны посмотришь – дурацкая ситуация.

Все из-за Сюзанны. Влезла в разговор без спроса со своими глупостями. Теперь Гаранин обо мне черт знает что думает.

За себя тоже стыдно. Надо было честно объяснить Гаранину. Попробовать договориться, обещать отработать.

А Гаранин бы с наслаждением отказал. Он поблажки сотрудникам не делает, но моя совесть была бы чиста. А я так растерялась, что позволила гендиру заблуждаться.

С другой стороны, отпуск я получила. Эле отдам долг дружбы, с девчонками увижусь, развеюсь.

Тяжко вздыхаю. На часах уже пять. До конца рабочего дня еще час, но я собираюсь домой. Пишу начальнице сообщение, ответа не жду. Инесса отпустит пораньше – всегда отпускает.

Начальница у нас золотая. Она человек-батарейка. Трудоголик с кучей необычных хобби и перфекционистка. Но хлопот своей энергией окружающим не доставляет – совсем наоборот!

Ее девиз: «Хочешь сделать хорошо – сделай сам». Она ему следует буквально. Раздает задания, а когда мы не справляемся, мягко нас журит и все за нами переделывает. Практически выполняет наши обязанности. Совсем нас разбаловала.

Я вот, например, должна писать статьи, править письма, организовывать промо-мероприятия. Но на деле я что-то вроде секретаря и девочки на подхвате. Ничего сложного Инесса мне не доверяет.

Поначалу это напрягало, а потом я поняла выгоды моего положения.

Никакой ответственности, домой можно уходить рано. И всласть заниматься любимым делом.

У меня тоже есть хобби. Не экстремальное, как у Инессы, но я им горю. Оно делает мою жизнь яркой. А работа в отделе связей с общественностью компании «Офис Мастер» лишь способ добыть деньги на мое хобби.

Быстро передаю дела коллегам, они желают мне прекрасно провести время. И грозятся завалить работой, когда я вернусь.

Ну, до этого еще дожить надо.

Впереди – неделя отдыха и веселья в шикарном отеле! Я в нормальном отпуске вечность не была. Летом обычно торчу в городе. Мне есть чем заняться, но обстановку все же нужно порой менять, а то мхом обрасти недолго.

Когда добираюсь до дома, о Гаранине и глупой Сюзанне уже не думаю. У меня куча дел: нужно собрать в чемодан вещи на неделю, сбегать кошку соседке, поставить публикации на таймер.

Я веду аккаунт, где выкладываю фотографии моих поделок. Я увлекаюсь хендмейдом. Мастерю все подряд, что в голову взбредет!

Строчу сумки и кошельки, леплю броши из полимерной глины, сшиваю блокноты, расписываю тарелки. В школе я ненавидела труды, а, став взрослой, вдруг увлеклась тем, что раньше считала нудным.

Пусть я не достигла высот в своем мастерстве. Из моих сумок торчат нитки, роспись бывает кривовата, и у брошей частенько отпадает крепление. Для меня важен не результат, а процесс. Все мои идеи оригинальные. Я не копирую изделия других мастеров, всегда изобретаю что-то свое.

Новые поделки фотографирую и выкладываю снимки в паблике. Две трети подписчиков восхищаются, треть пишет гадости и утверждает, что руки у меня растут значительно ниже спины.

Мои знакомые и родня разбились на два лагеря в той же пропорции. Одни меня поддерживают и хвалят, другие твердят, что я занимаюсь ерундой. Да еще и деньги на это трачу! Материалы стоят недешево.

Но деньги – это лишь деньги. На них можно купить счастье, которое я испытываю, когда кладу стежки или беру в руки краски.

Этим вечером в суматохе сборов нахожу часик, чтобы раскроить из эко-кожи новую папку для документов. В ней будет куча отделений и прозрачное окошечко, которое я распишу акриловыми красками. Узор я еще не выбрала – авось, во время отдыха вдохновение осенит.

В чемодан сую и подарки для девчонок – сделанные собственными руками.

Наконец, падаю в кровать и засыпаю со счастливой улыбкой.

Встать приходится ни свет ни заря. Напившись кофе, сонная и вялая, еду на автовокзал. Тяжелый чемодан гремит колесами по асфальту, как будто тоже жалуется, что его тащат куда-то в такую рань.

На вокзале меня уже ждут девчонки, бодрые, как канарейки.

Пять минут визгов и обнимашек!

Мы дружим с первого класса. Нас четверо в нашей банде.

Эля – виновница торжества, изящная блондинка с синими глазами и железным, порой стервозным характером. В школе все одиннадцать лет носила негласный титул «королевы класса».

Вика – разбитная брюнетка с короткой гиперсексуальной стрижкой, начинающий фотограф и профессиональная охотница на мужчин. В школе она любила выставить себя «плохой девочкой», хулиганкой и грубиянкой.

Маша – круглолицая, с русой косой до пояса, любительница вкусно поесть. Учительница начальных классов в элитной гимназии. Приличная, милая, но с чертами в омуте. В школе держалась тише воды ниже травы, училась на одни пятерки. И никто, кроме меня, не знал, что когда у ее обидчиков пропадали любимые безделушки – ручка, брелок, помада, шарфик – они оказывались в сумке у Маши. Я не раз ругала ее за эту привычку, но Маша так ее и не бросила. Мелкое воровство – ее способ поквитаться с миром за обиды и несправедливость.

Ну и я... Нина Иволгина, двадцать пять лет, не замужем, без вредных привычек, спортсменка, горячая голова, неунывающая девушка «ни дня без приключений». Очень надеюсь, на этой неделе приключения меня ждут приятные, без членовредительства и непристойностей.

Добираться до отеля далеко – пять часов на автобусе в другую область. Но едем весело. Я тормошу девчонок, рассказываю анекдоты, даже почти уговорила их спеть хором.

Когда автобус останавливается у заправок и туалетов, покупаем в магазинчиках кофе, пончики и хот-доги.

Отчего-то кислый кофе и подсохшие хот-доги, купленные на заправке, всегда кажутся необыкновенно вкусными. Потому что они приправлены ароматом приключений и парами бензина из проезжающих автомобилей. Рядом подруги умирают со смеху, за спиной шумит лес, шоферы и пассажиры весело переговариваются, в синем небе сияет солнце.

Лето, свобода, романтика дорог!

Потягиваюсь и жмурюсь от наслаждения. В крови бурлят жажда жизни и ожидание чего-то необыкновенного.

И тогда от избытка чувств я встаю на руки и шагаю, дрыгая ногами. Ух, еще могу, я в отличной форме!

Девчонки вопят, проезжающие машины сигналият, а заправщик роняет шланг от удивления.

Вскакиваю на ноги, раскланиваюсь.

Ну да, я и в школе была такой – всегда рада что-нибудь выкинуть, чтобы повеселить окружающих.

Сейчас, правда, ладонь об асфальт содрала, но это ерунда.

К концу путешествия радость поутихла. Пять часов в душном автобусе нас вымотали.

Маша дремлет, приоткрыв рот. Вика переписывается с очередным ухажером. Эля слушает музыку в наушниках.

А я мечтаю. О том, как буду загорать у бассейна, попивая коктейль, а по вечерам играть в волейбол. Мы возьмем велосипеды и отправимся исследовать окрестности. Интересно, на лошадях получится покататься? На сайте отеля написано, что у них своя конюшня и инструкторы.

Я встречу новых людей, и люди эти будут непростые – отель-то элитный. Страшно подумать, сколько Эля за номера выложила. Но у нее родители богатые, и бабушка. И жених у Эли не бедный.

Жених... Богдан, моя первая школьная любовь. Я вспоминаю, каким видела его последний раз семь лет назад.

Изящный брюнет, вежливый и мягкий. Я влюбилась в него в девятом классе, а в одиннадцатом набралась решимости и пригласила к себе домой делать доклад. Он пришел, доклад мы написали, и после этого несколько раз встречались – ходили в кино, гуляли. Я была на седьмом небе от счастья. А на выпускном мы поцеловались... Помню, после этого поцелуя я мечтала всю ночь, какое у меня будет платье на нашей свадьбе и как я назову наших детей.

Но на поцелуях все и остановилось. Мы еще пару раз сходили в кино. Однажды с нами увязалась и Эля. Она блистала, как всегда. Она ослепляла. Она была собой – вот и все.

Богдан, скромный и застенчивый, расцвел. Он стал развязным, травил остроумные анекдоты, громко смеялся.

Уже в тот момент я поняла – даже если сам Богдан еще не понял – что все случилось. Он больше не видел меня, он видел только мою подругу. Он был польщен, что королева Эля смотрит на него своим фирменным лукавым взглядом и треплет его по плечу.

Пожалуй, неверно будет сказать, что Эля «увела» его у меня. Богдан сам «увелся». Мужчины бессильны перед Элей.

Я приняла это. А что мне оставалось? Потому что Эля – это Эля. Все мальчишки в классе были в нее влюблены. Ревновать к ней бессмысленно, как, например, к Скарлетт Йоханссон.

Потом было суетное лето, поступление в вузы, у всех свои дела. Наши отношения с Богданом сошли на нет. Он уехал в соседний город учиться, поначалу писал в соцсетях, звонил. Но говорить нам стало не о чем. Сообщения приходили все реже, а потом и вовсе прекратились.

А вот с Элей он переписывался...

У меня тоже жизнь не стояла на месте. Влюблялась я часто, но каждый раз ненадолго.

Я не видела Богдана семь лет – лишь изредка заглядывала в его соцсети. А месяц назад узнала, что он вернулся, начал встречаться с Элей, и через две недели у них свадьба.

Больно ли мне от этого? Нет, ни капли. Школьная влюбленность – она как ветрянка, каждый должен переболеть. Она не имеет серьезных последствий. Но, как после ветрянки, крошечные отметки остаются с нами на всю жизнь. Это неизбежно, не так ли?

Я приду на их свадьбу с Элей и пожелаю им счастья. С Элей я не так много общалась эти годы, как с Машей, но мне приятно, что она вспомнила нашу дружбу и пригласила на девичник.

На автовокзале нас встречает такси, и последние километры мы едем в хорошей машине. Сервис что надо.

Когда выгружаемся на территории загородного отеля «Астория», у меня захватывает дыхание.

– Офигеть! – бормочет Вика и торопливо лезет за телефоном – фотографировать местные красоты.

Главный корпус – сияющее стеклом пятиэтажное здание. Вокруг отдельные домики для проживающих. Есть и швейцарские шале, и коттеджи в английском стиле, и избушки на курьих ножках для любителей фольклора, и футуристические глэмпинги – по сути, палатки с удобствами.

Вокруг шумит парк, цветы на клумбах яркие, как конфетти, бассейн манит синей гладью, фонтан приветствует нас водяным салютом.

Ну чисто Лазурный Берег, Майами и Адлер в одном флаконе.

Лобби тоже не подкачало – высоченные потолки, глянцевые полы, золотые светильники и аквариум на всю стену.

Пока девушка на ресепшене оформляет нас, Маша нагребает полные карманы бесплатных карамелек из вазы и косится на красивую безделушку-колокольчик, но сдерживается и прячет руку в карман.

Вика прогуливается возле бара, как будто ее туда тянет магнитом.

Ну да, там полно «магнитов», точнее, магнатов. На высоких стульях сидят самодовольные щекастые мужчины в белых рубашках-поло. От них идет запах больших денег.

Я же жадно кошусь на ряды шезлонгов возле бассейна, которые видны в панорамное окно. Хочется выбежать наружу и плюхнуться в прохладную воду прямо в джинсах. Это все о чем я мечтаю после жаркого автобуса.

Но Эля железной рукой подталкивает нас к лифтам.

– Заселимся, и потом пойдем куролесить, – приказывает она. – Девочки, не разбредаться! Вы тут все ради меня. Не забывайте об этом.

У нее забудешь! Эля – генерал по жизни, центр Вселенной, все должны слушаться ее по щелчку пальцев и крутиться вокруг нее.

Когда мы заходим в наш двухкомнатный номер с террасой, происходит загвоздка. Стоит нам увидеть широкие кровати с белоснежными покрывалами и упругими подушками, как мы сразу на них валимся, будто подстреленные.

– Чутьочку полежим, Эля, в такую рань ведь встали! – оправдывается, зевая, Маша.

Эля рычит от досады на нашу лень и тоже падает на кровать. И через пять минут спит. Я на секунду прикрыла глаза, открываю – за окнами темно.

Но это ничего, зато будут силы оторваться ночью.

И мы отрываемся. Наскоро перекусываем в баре, потом идем обследовать территорию, но застреваем у бассейна с подсветкой. С визгами плескаемся, пока не приходит охранник и слезно не уговаривает нас вылезти, потому что ночью бассейн гостей не обслуживает.

Мы подчиняемся, но как только охранник уходит – опять прыгаем в воду. Вика сняла верх купальника в надежде, что мимо пройдет один из гостей, проживающий в президентских номерах.

Но уже поздно, мы одни. За нами подсматривает лишь луна. Мы дурачимся вполголоса, и нам будто опять по пятнадцать, мы выехали вместе в летний лагерь, и вся жизнь впереди.

Возвращаемся в номер, когда небо начинает светлеть на востоке. Ночной портье смотрит на нас с упреком. Вика посылает ему воздушный поцелуй.

Засыпаем как убитые.

Утром меня расталкивает Эля.

– Девочки, завтракать! Тут шведский стол. Айда в ресторан, а то блинчики разберут!

– Не разберут, – стонет Маша в подушку. – Это же не захудалый турецкий отель, где надо биться насмерть за вкусняшки. Тут наверняка еды навалом для всех гостей.

Эля кидает в нее подушкой.

– Машка, подъем! – орет она. – Дома отоспишься. У нас всего неделя. Нам нужно все успеть!

Она права. В «Астории» столько удовольствий, надо все попробовать.

Мы шустро собираемся. Надеваю платье номер один – оранжевое, летнее и утреннее. У меня на каждый день и каждый случай припасен наряд, потому и чемодан неподъемный.

Спускаемся в ресторан. Там многолюдно. Отель забит под завязку. Вчера на ресепшнере нам сказали, что в эти дни в отеле проходят бизнес-конференция и научный семинар.

Вика крутит головой – ищет подходящего мужчину, чтобы неделя прошла не зря.

Эля мечтательно говорит:

– Ох, сейчас блинчиков наедемся!

– Дались тебе эти блинчики, – ворчит на нее Маша, которая вечно сидит на диете. – Что ты, блинов никогда не ела?

– Блинчики – фишка этого отеля. Про них даже в рекламной брошюре написано. На завтрак подают десять видов!

Тут и без блинчиков глаза разбегаются, а желудок урчит в предвкушении.

Чего только нет: хлопья обычные, шоколадные, разноцветные. Нарезки ветчины, рост-бифа, копченой индейки, семги. Экзотические фрукты и не менее экзотические овощи. Каши с малиной, черникой, вишней...

Ух, умеют тут удивить. Если такие завтраки, то какие тогда обеды?

Вот и знаменитые блинчики. Выложены на многоярусные подставки, как пирожные. Да они и похожи на пирожные, украшены взбитыми сливками, разноцветными соусами, цукатами!

Блинчики с рикоттой, апельсинами, икрой, хамоном, яблоками в карамели, лимонной меренгой...

– Черт побери! – ругается Маша и нагружает тарелку, с видом человека, сжигающего за собой все мосты.

Я не привыкла утром плотно завтракать, поэтому для разгона беру стакан грейпфрутового фреша и круассан. А девочки возвращаются с доверху нагруженными тарелками.

Мы едим и разглядываем других постояльцев. В ресторане шумно, все столы заняты.

Тут есть и отвязная молодежь, и ухоженные старушки, и несколько семейных пар с детьми.

На веранде сидят пожилые, но бодрые мужчины, в которых сразу можно признать профессоров и доцентов – эти явились на научный семинар.

Но в основном отель заполнен деловыми дядями и тетями. Они даже за завтраком просматривают документы, капая на них джемом и сметаной.

Интересная тут публика собралась.

Вика в полном восторге от количества видных самцов, которые окружают ее, как на выставке. Она уминает лазанью и делится с нами впечатлениями:

– Вон тот блондин во мне уже дыру глазами прожег, – самодовольно говорит она. – Ничего так, симпатичный, но не в моем вкусе. Ох, какой брюнет! Обожаю брюнетов. Блин, у него кольцо. Проехали. Рядом с ним тоже ничего, но мелковат, мне по уху будет. Нина, посмотри, как он тебе?

– Нормально. Мелкий, но зато вылитый Наполеон, – отвечаю не глядя. – Надеть на него треуголку и хоть сейчас на Ватерлоо.

Изучаю стакан и пытаюсь понять, что за травка плавает в моем фреше – мята или базилик? Мне дела нет до Викиных терзаний. Меня обескураживает ее подход к поиску спутника жизни.

– Вон тот у окна интересный тип, – продолжает рассуждать Вика. – Высокий какой, а плечищи! Но рыжий. Это как-то несерьезно. Впрочем, рыжина благородного оттенка. Мне бы такую краску для волос.

Зеваю и поворачиваюсь к буфету, раздумывая, что бы еще взять.

– Бери блинчики с креветками и сливочным соусом, – советует Маша. – Это что-то невероятное! Я сейчас лопну. Но я хочу еще.

– Поспеш! – подхватывает Эля. – Они уже кончаются.

– Нин, и мне возьми! – просит Маша.

Их восторг заразителен. Я должна попробовать эти сказочные блинчики!

Встаю и иду к буфету. Толпа возле него не поредела. Все словно с ума сошли по блинчикам. Рвутся к ним, как коты к валерьянке.

Тут и во мне проснулся первобытный инстинкт – добыть пищу!

Вижу, что блинчиков с креветками осталось только два, и ускоряюсь. Новые порции из кухни не несут, потому что завтрак подходит к концу.

Ставки повышаются!

Я уже у стойки, но вожаки блинчики загораживает чья-то широкая спина, затянута в голубую рубашку. Ловко обхожу спину справа – невзначай толкаю здоровяка в бок, тот охает и отступает.

– Простите, – бормочу. Хватаю щипцы и тянусь к подносу.

Хоп! Хоп! Блинчики на моей тарелке, а здоровяк в голубой рубашке остался ни с чем.

– Девушка, вы из голодного края? – саркастически интересуется он. – Вы меня чуть не затоптали. Что за манеры!

Что-то в его голосе заставляет меня вздрогнуть.

Поднимаю глаза и обмираю. Сердце ухает в пятки, глаза лезут на лоб.

Передо мной, сердитый и внушительный, стоит Гаранин.

– Иволгина?! – он хмурит брови и натурально оскаливается. Белые зубы зловеще сверкают в обрамлении медной бороды.

Он готов сожрать меня вместо блинчиков.

– Здра... здравствуйте... Сам... Самсон Викторович, – выдавливаю я. – Приятного аппетита.

Делаю книксен и протягиваю ему тарелку с блинчиками. От ужаса у меня перепутались все рефлексy и инстинкты.

– Взаимно, – говорит он насмешливо и косится на тарелку, которая ходуном ходит в моей руке.

Но тут его осеняет, он утрачивает игривую язвительность и превращается в полного подозрений начальника.

– Что вы тут делаете? Вы разве не в клинике сейчас должны быть, к операции готовиться?

Он пристально смотрит на мою грудь.

Грудь на месте, отлично видна в вырезе платья.

– Я... видите ли...

– Нин, ты что застряла? – окликает меня из-за столика Маша. – Давай быстрее, Элька нас на катамаран записала кататься, а потом в хамам пойдем!

– Катамаран? Хамам?! – негромко, и от того очень зловеще говорит Гаранин и догадывается:

– Вы меня обманули. Вам не нужно в клинику. Вы сбежали с работы, чтобы бездельничать, кататься на катамаранах и париться в хамаме веником!

– В хамаме веники не используют, это турецкая баня, а турки без веников парятся, – зачем-то объясняю подобострастно.

– А вы сейчас парите мне мозги, Иволгина. Как вам не стыдно! Вы подвели коллег, ушли в отпуск в разгар нового проекта, да еще начальство обманули.

Молча киваю, соглашаясь со всеми обвинениями. Мне хочется провалиться сквозь землю. Мозг не может выдумать ни одного толкового оправдания. Зато он выдает дурацкий вопрос:

– А вы что тут делаете, Самсон Викторович?

– Я на конференции, представляю новый проект. В котором вы должны принимать активное участие, Иволгина, – чеканит генеральный.

– Самсон Викторович, я как только вернусь, так сразу и...

– Ваш отпуск отменяется, – объявляет он стальным голосом. – Никакого катамарана и хамама. Вы немедленно возвращаетесь на работу и пишете объяснительную. Вряд ли отделаетесь простым выговором.

– Самсон Викторович, автобус только завтра! – взмаливаюсь я.

– Тогда вы сейчас вернетесь в номер, откроете ноутбук и будете править материалы к конференции. Я вам их скину после того, как позавтракаю.

Отворачивается, давая понять, что больше не желает смотреть на меня – жалкую обманщицу и тунеядку.

Но вдруг останавливается, что-то вспомнив, возвращается и забирает у меня тарелку с блинчиками.

– Благодарю, – сухо роняет он и уходит за свой стол.

Моргаю ему вслед и перевожу дух.

На негнущихся ногах иду к девчонкам и без сил плюхаюсь на свое место.

– А блины где? – строго спрашивает Маша.

– Их сожрал волк.

Девчонки недоуменно переглядываются.

– А ты чего с этим рыжебородым болтала?

– Этот рыжебородый – мой начальник Самсон Викторович Гаранин. Он собирается меня убить и съесть.

Рассказываю подругам всю историю. Девчонки фыркают, потом ржут.

Присоединяюсь к ним – от нервов и меня пробило на смех.

Но потом искоса гляжу на столик Гаранина и вижу, что он мрачно жует мои блинчики, уставившись на меня ледяным взглядом.

Смех сразу пропадает, в груди все сжимается.

– Придется завтра ехать домой, – сообщаю беспомощно. – А сегодня сидеть в номере и работать. Гаранин велел.

– Еще чего! – сердится Эля. – Тебе отпуск дали? Дали. Вот и отдыхай. Живи одним днем! Конференция скоро закончится, твой начальник уедет. Он же генеральный, так? В твоём отделе у тебя своя начальница, Инесса, пусть она и решает, когда тебе выходить работать.

– Все не так просто, Эля!

– Нинка, все очень просто, – говорит Эля снисходительно. – Объясни ему по-человечески свои мотивы. Скажи, что тебя эта дура Сюзанна в грех ввела. Поклянись отработать. А сейчас не порти нам отдых, пожалуйста! Как мы тут без тебя будем?

– Он меня уволит!

– Ну и что? Пусть увольняет! Другую работу найдешь. Все равно ты на работе фигней занимаешься и ничего в жизни не достигла, – фыркает Эля. – Где одна дверь закрывается, открывается другая!

– И ты летишь в нее, отправленная пинком под зад, да вниз по лестнице.

– Не будь пессимисткой! – восклицает Вика, поворачивается и смотрит на Гаранина. – Слушай, а он очень даже ничего. Я его сразу заприметила.

Она обольстительно улыбается ему. Гаранин отвечает ей непроницаемым взглядом, потом утыкается в тарелку и сурово пилит блинчик ножом. Наверное, представляет, что это моя шея.

– Может, мне его окрутить? – задумывается Вика. – Он женат?

– Не знаю.

– Кольца нет. В отель один приехал. Была бы жена, она бы с ним напросилась. Хочешь, я его отвлеку ради тебя? Я смогу.

– Не надо. Он непрошибаемый. Только хуже сделаешь. Я кашу заварила, мне и расхлебывать.

– Нинка, не вздумай уезжать, – строго приказывает Эля. – За тебя уже все заплачено. Ты нужна мне. Не каждый день твоя подруга выходит замуж и устраивает девичник!

– От меня уже ничего не зависит.

– Зависит. Ищи выход. Хоть на коленях умоляй шефа. А теперь мы все идем на пляж!

Эля встает и направляется к выходу. Девчонки послушно тянутся за ней. Маша идет последней. Она незаметно стягивает с подноса на стойке пару пирожков, хотя выносить еду из ресторана запрещено.

За столом Гаранина уже пусто. Он налопался и свалил. На ходу заглядываю в телефон – материалы еще не скинул.

Что же мне делать?

Поднимаемся в номер и собираемся на пляж. Без конца проверяю почту. Если Гаранин обо мне не вспомнит в течение пятнадцати минут – уйду на пляж с девчонками, и гори все огнем!

– Нинка, идем! – сердито зовет меня Эля. – Твой шеф давно на конференции, у них регистрация участников уже началась, – она тычет пальцем в экран смартфона, где она открыла расписание. – Делать ему больше нечего, как тебя пасти. У него таких сотрудников, как ты, сколько? Тысяча, две? А ты даже не в головном офисе, так, мелочь в филиале! Он на тебя нарычал да и забыл.

Ох, сомневаюсь, что он обо мне забыл. Эля хватает меня под локоть и тащит из номера в лифт.

По лобби пробегаю, воровато оглядываясь. Никого. Все бизнесмены на конференции.

С трусливым сердцем выскакиваю за дверь, и тут меня ловит Гаранин.

Я сталкиваюсь с ним лоб в лоб. Точнее, мой лоб врезается в его широкую грудь, твердую, как бетонная стена.

Гаранин непроизвольно охает, я отпрыгиваю от него, как кузнечик, и едва сдерживаю порыв сигануть в кусты.

Но поздно. Шеф уже рычит:

– Вы куда это собрались? Да еще с пляжной сумкой? Ну-ка, обратно! Шагом марш!

Берет меня за плечо и разворачивает в направлении отеля. Девчонки шушукаются. Эля окликает шефа уверенным, но нежным голосом:

– Простите, Самсон Викторович, можно вас на пару слов?

– Нельзя, – отрезает он и подталкивает меня к двери.

Плечусь за ним по лобби.

– Вам сюда. – Мы заходим в просторное помещение, заставленное компьютерами. За отдельным столиком скучает молодой человек в очках.

– Здесь бизнес-центр и зона для коворкинга, – объясняет Гаранин. – Вот флешка с материалами. Там три статьи и один доклад. Вы должны их вычитать, внести правки, сверить цифры. Материалы в отдельной папке. Как закончите, вышлете мне. А я на конференцию.

– Эй, юноша! – окликает он очкастого за столом. Тот вскакивает и услужливо подбегает.

– Так, Валерий, – Гаранин читает его имя на бейджике. – Оставляю у вас свою сотрудницу. Если ей что потребуется, помогите.

– Конечно! Это моя обязанность – помогать гостям нашего отеля сочетать отдых с работой! – тархтит служащий.

– Этой девушке отдыха не полагается. Пожалуйста, проследите, чтобы она не сбежала, пока я не вернусь.

– То есть как – проследить? – моргает Валерий.

– Очень просто. – Гаранин сует ему в нагрудный кармашек купюру. – Не выпускайте ее. Прикуйте цепями, если потребуется. Моя сотрудница наказана и должна работать.

– А если мне в туалет захочется?! – возмущаюсь я.

– А туалет у нас вот тут, в конце зала, – объясняет Валерий. – Также есть кофе-машина и бесплатное печенье. Высокоскоростной интернет, принтер, проектор, ксерокс, флип-чарт...

– Отлично, – перебивает его Гаранин. – Рад, что вы так основательно укомплектованы. Работайте, Иволгина. Жду результаты. И чтоб без ваших штучек-дрючек.

Он уходит.

Мы с Валерием обмениваемся обескураженными взглядами.

Он прокашливается, потирает руки и бодренько говорит:

– Можете занять любой компьютер, какой вам больше нравится. Советую вот этот, у окна. Отсюда открывается отличный вид на реку!

Глава 3. Игра в кита

Пристально смотрю на очкастого Валерия. Тот нервно сглатывает. Он растерян.

– Вы зря у него деньги взяли. Как вы меня сторожить собрались? Если я захочу уйти, драться со мной, что ли, будете?

– А давайте вы не станете уходить? Пожалуйста! – шепотом умоляет Валерий. – Начальников надо слушаться, даже чокнутых.

– Надо, – соглашаюсь я и с тяжким вздохом сажусь за компьютер. Услужливый Валерий распахивает окно, чтобы мне легче дышалось, предлагает принести кофе.

Отмахиваюсь от него. Включаю компьютер, втыкаю флешку, открываю документы.

Отвечаю на полные разочарованных смайликов сообщения девчонок, откладываю телефон и начинаю работать.

Мне не хочется быть уволенной. Где я еще найду такую работу, чтобы много не спрашивали, неплохо платили и разрешали уходить домой, когда вздумается? Все было прекрасно, пока я не перебежала дорожку генеральному!

Но девчонки правы: я для него мелочь, рядовой сотрудник. Генеральные о таких руки не пачкают. Просто мне не повезло, как всегда.

В этот раз мое дурацкое приключение явилось в облике рыжебородого Самсона.

Но если я буду вести себя правильно, он успокоится и перестанет меня гнобить.

Два часа корплю над документами. Они сложные, я продираюсь сквозь текст, как через бурелом.

Честно говоря, я смутно представляю, чем занимается наша компания «Офис Мастер». Производит офисную мебель, это понятно. Но всякие технологические заморочки меня не коснулись за тот год, что я в ней работаю. А тут что ни абзац, то абракадабра. Всякие станки для раскроя плит, фрезы-шмезы, фаски-шмаски...

Приходится шерстить интернет и нашу корпоративную библиотеку. Надо знать, о чем говорится в текстах, которые я правлю. Один из них – корявый машинный перевод с английского. Его надо начисто переписать, и желательно, чтобы при этом он стал осмысленным.

Делаю перерыв на чашку кофе и с тоской смотрю в окно.

Не надо было мне тут садиться. Вид из окна и правда чудесный – вдалеке изгиб реки, паруса яхт, желтый песочек пляжа. Доносятся веселые визги и крики, тарыхтение моторных лодок. Где-то там девчонки загорают, купаются, катаются на катамаране. А я тут, тону в терминалах.

Еще через пару часов в глазах начинают плясать мушки, а желудок сводит от голода. Но я отправила Гаранину и статьи, и доклад.

В ответ мне прислали короткое: «Получено».

Ни «спасибо», ни «благодарю за работу», ни «что бы я без вас делал, золотце вы мое!»

Продолжаю глазеть в окно, барабаню пальцами по столу в ожидании результатов проверки.

Валерий опасно сверкает на меня очками из своего кресла – боится, что все же удеру. А я могу. Окно открыто, первый этаж. Выпрыгну – так меня и видели!

Конечно, я так не поступлю. Но радуюсь, что возможность есть.

Когда Валерий отходит к кофе-машине, высовываюсь в окно.

Внизу клумба, за клумбой дорожка, на дорожке никого.

Сажусь на подоконник, перекидываю ноги наружу и жмурюсь от солнца.

Ох, хорошо за городом!

Я могу спрыгнуть, потом забраться обратно. Так и сделаю! Вон уличный бар, куплю себе мороженое. Я заслужила угощение.

Конечно, можно спокойно выйти через дверь, но мне не хочется наткнуться на укоризненного Валерия и что-то ему объяснять. Он поручение Гаранина воспринял всерьез.

Соскальзываю с подоконника и выпрыгиваю из холодного, кондиционированного воздуха зала в горячие объятия лета. Ветер треплет юбку, ноги щекошет трава.

Вот как легко получилось! Чувствую себя школьницей, которая удирает с урока.

Выбираюсь на дорожку, беру курс на бар, и... врезаюсь в Гаранина, который сворачивает с соседней тропинки. Вид у него деловой до невозможности, левая рука в кармане, в правой – папка с бумагами, на груди бейджик участника конференции.

Блин, эта же дорожка как раз идет к корпусу, где конференц-зал! Опять я просчиталась.

– Так и знал, что решите сбежать! – радуется Гаранин. – Валерий вас упустил.

– Он не виноват, я через окно выбралась. Но я сделала все, что вы велели. А теперь есть хочу.

– Как раз иду забрать вас и сводить на обед. Идемте, Иволгина!

Он шелкает мне пальцами, как собачке. Такой самодовольный, властный, полный сознания своей правоты!

Я торможу.

– Самсон Викторович, у меня имя есть. Нина Егоровна. Я и сама могу сходить пообедать. Не надо меня никуда вести.

Он оборачивается, удивленный тем, что я осмеливаюсь возражать.

Сейчас скажет что-нибудь язвительное на начальственном языке.

Но Гаранин меня удивляет.

– Я вас приглашаю, Нина Егоровна, пообедать со мной, – вдруг заявляет он нормальным голосом. – Мне нужно с вами обсудить пару рабочих вопросов.

– А... ну тогда ладно.

Теперь я теряюсь. Какие вопросы может обсуждать со мной генеральный? У него для этого замы есть. Он бы еще с техничкой эти вопросы обсуждал. Наша тетя Клава наверняка лучше меня в офисной мебели шарит – она на мебельной фабрике раньше работала.

Гаранин приводит меня в роскошный ресторан при отеле под названием «Шантеклер».

Усаживаемся на веранде, в тени дерева. Официант подкрадывается на цыпочках и ласково кладет перед нами меню.

От цифр рядом с названиями блюд у меня глаза лезут на лоб.

Гаранин знает, сколько я у него в фирме получаю?! На мою зарплату я тут могу пообедать раза три максимум, причем без десертов.

– Мне... воду без газа и капустный салат.

– С анчоусами или с семгой? Или сладкий вариант, с виноградом и пеканом? – интересуется официант.

Господи, ну кто портит честный капустный салат рыбой или виноградом! Только шеф-повара дорогих ресторанов.

– А можно просто капустный с морковью?

– Я спрошу у повара.

Официант мной разочарован.

– Вы что, на диете? – интересуется Гаранин.

– Да!

– А зачем тогда за блинчики насмерть сражались? Они ведь калорийные.

– Но я же их не съела!

– Не повезло вам. Вкуснятина – пальчики оближешь. Вот что, юноша, принесите девушке блины с икрой и тройную уху. И капустный салат, раз она просит. С морковью. Этот корнеплод полезен для глаз.

– Будет сделано! – восторженно отвечает официант и упархивает.

– Я вас пригласил, я и плачу за обед, – предупреждает Гаранин.

– Ладно. Спасибо.

Что ж, справедливо. Не буду разыгрывать гордость и предубеждение.

В ожидании заказа делаю вид, что рассматриваю парк отеля. Понятия не имею, о чем говорить с Гараниным. Не прошлое же вспоминать, наше расчудесное новогоднее приключение.

– Что за девушки с вами были – ваши подруги? – спрашивает Гаранин.

Пришлось повернуться к нему.

– Да, подруги. Эля, Маша и Вика. Эля устроила здесь недельный девичник. Я на него отпроситься хотела, когда заявление на отпуск писала.

– Девичник! Да еще недельный! – возмущается Гаранин. – Это была их идея – наврать про пластическую операцию, или вы сами сочинили?

– Ничего я не сочиняла. Вы мне слова не дали вставить в оправдание, когда Сюзанна свою гипотезу выдвинула. Сразу подписали мое заявление, ну я и... не стала уточнять.

– Так вы были в сговоре с этой... Сюзанной? Секретаршей Инессы Львовны?

– Да нет же! Это просто недоразумение. Самсон Викторович, простите. Я не хотела. Так получилось.

– И часто у вас такие казусы получаются?

– Часто, – признаюсь со вздохом. – У меня ни дня не проходит, чтобы без приключений.

– Это не приключение, а дисциплинарное нарушение.

– Два названия для одного понятия! Разница лишь в том, с чьей стороны смотреть, – говорю радостно, потому что официант выставляет на стол заказ.

Гаранин хмыкает. Мое высказывание его позабавило. За свой бифштекс он принимается с улыбкой.

С обедом расправляемся молча.

Гаранин умял свою порцию быстро, но меня не торопит и рабочие вопросы обсуждать не спешит. Я сосредоточена на тарелке, но чувствую, что шеф на меня смотрит.

С сожалением проглотив последний кусок, откладываю вилку.

– Десерт будете? – спрашивает Гаранин и подзывает официанта.

– Нет, спасибо.

– Тогда закажу нам кофе.

Ладно, кофе – это можно.

Он делает глоток из своей чашки – там ядреная жидкость, черная, как смола, – с удовольствием жмурится и говорит:

– Нина Егоровна, я решил не отсылать вас в город.

– Спасибо! – расцветаю я. – Честное слово, я потом все отработаю. Хоть на ночь буду оставаться в офисе!

– Отрабатывать вы будете не потом, а сейчас. Прямо здесь, в отеле, со мной. По ночам тоже, если днем времени не хватит.

– Что?! – Я обескуражена. Значит, прощай неделя отдыха?

Так, постойте, а какую отработку он имеет в виду? Да еще и по ночам?! Надеюсь, ничего выходящего за рамки служебных обязанностей?

– Мой помощник Леопольд Маркович заболел и не приехал. Рабочий процесс нельзя прерывать даже на минуту. Кроме конференции, у меня еще куча дел, которые следует решать оперативно. Вот вы мне и помогите.

– Самсон Викторович, боюсь, от меня толку не будет. Я в компании работаю чуть больше года, и пока не разобралась в ваших... бизнес-процессах.

– Я это понял. Со статьями вы справились, но разницы между моделями станков для литья фурнитуры под давлением не видите. В двух местах ошиблись в параметрах и не заметили. Хотя бы с таблицей сверились.

– Простите...

– Напомните, чем вы занимаетесь у себя в отделе?

– Пресс-релизы готовлю... Рекламные тексты проверяю. Соцсети отслеживаю. Ну и так, по мелочи...

Гаранин смотрит на меня очень пристально – как будто мои мозги сканирует.

– Каждый сотрудник компании должен знать все тонкости нашего дела. Начиная с заготовки древесины для плит и заканчивая технологией формовки. Поэтому пока мы здесь, буду вас натаскивать. Кроме того, вам придется помочь мне с подготовкой документов и звонками. Да, и ваши повседневные обязанности тоже будете выполнять – дистанционно.

– Но у меня же отпуск!

– Полученный обманным путем отпуск отменяется. Или хотите, чтобы я вас уволил за дисциплинарное нарушение?

– Пожалуйста, не надо, Самсон Викторович. Я буду работать. Надо, так надо, – заканчиваю уныло.

– Вот и ладушки. Допивайте кофе, и айда в бизнес-центр. У меня онлайн-переговоры. Вы пока документы для меня рассортируете, подкорректируете мой график встреч, поищите данные для доклада и подготовите коротенькую презентацию. Затем дам вам первый урок профессиональной терминологии. После этого можете идти в баню. Или куда вы там собрались.

Ошеломленно хлопаю глазами. С таким графиком работы в баню мне не попасть.

Гаранин рассчитывается за обед, и мы возвращаемся в коворкинг.

По залу мечется Валерий. То под столы заглянет, то в окно высунется. Догадываюсь, что – вернее, кого – он потерял.

Валерий видит, как я захожу в дверь с Гараниным, и у него отвисает челюсть. Он нервно сглатывает. Я ему ободряюще подмигиваю.

– Вы не уследили за ней, – пеняет шеф. – Она сбежала в окно. Почему у вас не установлены решетки?!

Валерий понуро опускает голову.

На этот раз Валерий предоставляет нам отдельный кабинет. Есть тут такие для особо важных бизнесменов. Здесь на окнах толстенные решетки установить не забыли. Надо думать, VIP-бизнесменам привычна тюремная обстановка.

Покорно сажусь за компьютер, Гаранин придвигает табурет, садится и кладет руку на спинку моего стула. Выпрямляюсь в струнку, чтобы не коснуться его ладони.

Я смущена и встревожена. В голове сама собой всплывает сцена нашего поцелуя. Он тогда эту ладонь на спину мне положил и крепко так к себе прижал.

– Все же начнем с урока отраслевой терминологии. Знаете ли вы, что такое царга? А чем отличается ламинированная ДСП от кашированной?

– Ммм... примерно представляю.

– Ну-ну.

Он мне не верит.

– Ну хоть названия наших моделей-то знаете?

– Знаю. Мы же работаем с каталогами.

– Окей, давайте проверим.

Он гоняет меня по терминам и названиям. Качает головой, строго хмурит брови. Экзамен я провалила.

– Я начинаю сомневаться в управленческой компетенции вашей начальницы. Как так: ее сотрудники понятия не имеют, с чем работает компания!

– Она не виновата. Это я такая тупая... как тумба стола из массива дуба, – отвечаю угрюмо. – Но Инесса Львовна нашла мне применение. Она хороший начальник и умеет использовать все ресурсы.

– Хвалю за честность и лояльность. Вот что, Нина Егоровна... Скину вам справочник по производству. За два дня его проштудируете, сделаете конспект и глоссарий. Я проверю. А теперь за работу. Вот вам мой график онлайн-встреч, обзвоните всех и подтвердите. Вот материалы к презентации. Скомпонуйте и оформите.

Он отодвигается к своему компьютеру, надевает наушники с микрофоном и начинает сурово беседовать с экраном.

Делать нечего: работаю.

...Скоро понимаю, что быть личным помощником генерального – это ад. Наверное, Леопольд Маркович заработал нервное истощение, потому и не приехал. Я его знаю, он к нам часто в филиал заглядывает. Его странное имя ему подходит. Он похож на мультяшного кота Леопольда. Высокий, худой, в очках. Хитрый прищур, седая бородка клинышком, всегда ласково и угодливо улыбается. Не любит конфликтов, хочет жить дружно со всеми.

И теперь я за него должна отдуваться! В отеле, где все остальные отдыхают! В офисе было бы не так обидно.

Дорого мне моя ложь обошлась.

Упорно сражаюсь с презентацией. Обрезаю картинки, красиво размещаю подписи. Это я умею. Но после плотного обеда ужасно хочется спать.

Однако сон проходит каждый раз, когда Гаранин подъезжает ко мне на стуле, чтобы проверить, как у меня двигаются дела.

Шеф такой здоровый, нависает надо мной, а когда заглядывает в экран, чуть не прижимается мохнатой щекой к моей шее.

От него пахнет кофе и одеколоном с нотками имбиря. Запах приятный, интригующий. У меня колотится сердце – известно, что и кофе, и имбирь здорово бодрят.

Чувствую себя неловко. Генеральный для меня все равно что инопланетянин. После тех двух встреч под Новый год я его только на разных собраниях издали видела, да еще его лицо на корпоративных брошюрах рассматривала. А теперь я работаю с ним бок о бок, и его пристальное внимание меня тревожит.

А он никак не хочет оставить меня в покое.

– Нина Егоровна, если что-то непонятно – спрашивайте. Не стесняйтесь. Нам обоим будет проще, если я вас буду контролировать.

Да уж, контролировать он любит – это я уже поняла. За час он успел позвонить инженерам своих фабрик, начальникам цехов, заму, партнерам, сторожу на складе... и всех контролировал, как ненормальный.

– Я справляюсь, – стискиваю зубы.

Гаранин хмыкает.

– У вас здесь ошибка. Эту надпись нужно поставить к другой картинке.

– Я просто устала. Сейчас выпью еще кофе.

– Ладно, Нина Егоровна, – вдруг сжаливается Гаранин. – Идите в баню, к подругам. Отдохните. Вы уже много сделали. Продолжим вечером, после ужина.

– Вечером тут концерт будет, и танцы...

– Нам с вами не до танцев, Нина Егоровна. Нам еще доклад готовить. Все, идите, пока я не передумал. Я тоже себе перерыв устрою.

– Спасибо!

Вскакиваю и как пуля вылетаю в лобби, на ходу набирая на телефоне номер Эли.

Девчонки только что вернулись с пляжа. Они говорят наперебой; кое-как разбираю приказ немедленно идти в велнес-зону.

Эля включила в программу все, что полагается делать на девичниках. У нас будет совместное наведение красоты в салоне, массаж, отдых в хамаме и сауне, потом плескание в бассейне. Также в плане есть пижамная вечеринка с гаданием, пикники, занятия экстремальными видами спорта, урок танцев, тематическая фотосессия... ух.

Но большую часть этих удовольствий мне не испытать, потому что скоро придется вернуться вместе с шефом в город. Так он решил, и его слово закон.

Ну хоть сегодня оторвусь.

Велнес-зона в отеле на уровне: несколько косметических и массажных кабинетов, бар с подсветкой и травяными коктейлями, аквазона. Снаружи огромный бассейн под открытым небом.

Девчонки уже накупались в реке. Они наперебой рассказывают мне, как классно прокатились на катамаране, Вика с него свалилась, но ее выудил спасатель, красивый, как фотомодель, поэтому Вика быстренько свалилась и второй раз, и третий.

Нахлебалась воды, но зато теперь у нее вечером свидание со спасателем. Ее день прошел не зря, но до вечера еще далеко, поэтому как знать, может, найдется вариант и получше спасателя.

Подруги спрашивают, чем я занималась, пока они развлекались, и что со мной делал Гаранин. Мне нечего им рассказать.

Усталые девчонки идут в хамам, чтобы погреться и подремать на теплом камне.

Мне не хочется во влажный жар. После многочасового сидения за компьютером мечтаю окунуться в бассейн. Обожаю плавать!

Наскоро принимаю душ, надеваю купальник, проскальзываю в стеклянные двери – и вот он, бассейн, почти олимпийских размеров, с ослепительно голубой водой, прекрасно пахнущий хлоркой и морем! Солнце скачет на волнах, расходящихся от других пловцов, зеленый газон за бассейном слепит глаза.

Прыгать с бортика нельзя, но служащий не смотрит, дорожка пустая; лишь в углу плещется мама с мелким ребенком. У ребенка забавный желтый круг с уточкой. Я им не помешаю.

Смело ныряю рыбкай.

В воду вхожу почти бесшумно, делаю несколько сильных гребков. Открываю глаза: на голубом кафеле дрожат золотые круги света, приглушенная толщей воды музыка звучит глухо, как во сне. Вода прохладная, тело сразу наполняется энергией.

Боже, как хорошо!

Выныриваю на поверхность, лениво гребу туда-сюда. А потом набираю побольше воздуха, глубоко погружаюсь и становлюсь одним целым с водой.

Медленно двигаюсь почти у самого дна. Плыву над кафелем, касаюсь его ладонью – он приятно шероховатый. Представляю себя китом, медленным и мудрым.

Жизнь налаживается. Еще чуть-чуть, и я достигну нирваны.

Но тут до меня доносится женский крик – он едва слышен под водой, но звучит заполошно.

Что случилось? Начинаю всплывать, но не успеваю.

Над головой словно взрывается бомба: что-то огромное устремляется ко мне в облаке пузырей, образуя цунами и водовороты. Затем меня хватают подмышки и бесцеремонно тянут вверх!

От растерянности даже не сопротивляюсь. И хорошо делаю – иначе воды можно наглотаться.

Но как только голова пробивает поверхность, я оживаю: начинаю брыкаться и отбиваться, а мужчина сжимает меня, тащит!

Моя спина прижата к твердому прохладному животу, кожу щекоют волоски на его груди, а сильные руки сдавливают меня, как клещи!

Он подбрасывает меня, выпихивает на бортик!

Лежу на кафеле в позе звезды, в полном недоумении и растерянности. И тут надо мной склоняется Гаранин. Глаза дикие, с бороды капает.

Он кладет руки мне на грудь и давит сильным толчком. Мои ребра почти впечатываются в позвоночник; бью ногами и хочу оттолкнуть его, открываю рот, чтобы заорать. А он накрывает мой рот своими губами в жадном поцелуе, и с силой вдывает в меня воздух! Грудь распирает, я чуть не лопаюсь.

Молочу его кулаками по спине.

Гаранин отшатывается, садится на корточки, ошарашенно смотрит на меня.

– Живая! – громко объявляет он.

– Вы свихнулись? Вы что творите?!

– Ты как себя чувствуешь, утопленница?

Он тянет ко мне руки и хватает за плечи; не успев сообразить, что делаю, толкаю его изо всех сил в грудь.

Не рассчитала. Гаранин теряет равновесие, опрокидывается и исчезает из поля зрения, а из бассейна поднимается фонтан брызг.

Гендир свалился!

В растерянности вскакиваю, и только тут замечаю, что кругом полно народу.

У края бассейна мечется спасатель с длинным шестом в руке. И тут же мои три грации – Эля, Вика и Маша, красные после бани, в купальниках – заламывают руки и не то хохочут, не то сходят с ума.

– Нинка, ты что творишь? – стонет Эля.

– Ты нас до смерти напугала! – вопит Маша.

Мне некогда с ними разбираться – у меня шеф тонет!

Заглядываю в бассейн. А там живописная картина.

Гаранин вынырнул, молотит по воде руками, а на макушке у него, как шляпка, детский надувной круг с утенком. Он, стало быть, головой прямо в круг вынырнул.

– Отдайте немедленно! – возмущается мать ребенка. – Вы же взрослый, зачем вам игрушка?!

Ребенок визжит от восторга.

На противоположном краю бассейна отдыхающие комментируют сцену и снимают ее на телефоны.

Гаранин срывает круг с головы, бросает в сторону, подплывает к бортику и забирается, красиво подтянувшись на мускулистых руках. С него льет, как с морского царя, а взгляд обещает шторм в двенадцать баллов.

– И это благодарность за спасение? – говорит он зловеще, смахивая воду с глаз и отфыркиваясь.

Сглатываю. Без одежды – на нем лишь плавательные синие шорты до колен – он выглядит впечатляюще. Явно абонемент в тренажерку у него не лежит без дела.

Тело крепкое, живот бугристый от мышц, покрыт золотистыми волосками. На груди кучерявая поросль гуще, а грудь широкая.

– Какое еще спасение? – выдавливаю я. – Вы меня, что ли, спасали? Зачем?

– Ты же тонула!

– Кто – я?! Бред какой. Да я под водой три минуты пробыть могу, а плаваю как русалка!

– Я решил искупаться, – чеканит Гаранин. – Подошел к бассейну. Тут она кричит... – Он тыкает пальцем в Вику, которая как замороженная плянется на его бицепсы, трицепсы и прочие цепсы.

– И что же она кричала? – все еще недоумеваю.

– «Нинка тонет! Спасите ее!» – изображает Гаранин писклявым издевательским голосом.

– Мы и правда решили, что ты тонула, – вступает Маша, потому что Вика все еще глазееет и облизывает губы. – Мы из бани вышли, смотрим – ты нырнула. И не выныриваешь. Видно только, что руки-ноги растопырила у дна, как утопленник. А спасателя нет!

– Да я на минутку отошел только, – нервничает спасатель.

– Люди и за секунду тонут, – рывкает на него Гаранин.

– Понятно! – я поднимаю руки. – Я не тонула, а играла в кита. Не надо было меня спасать. И потом – вы что такое со мной делали, а? Что вы себе позволяете!

– Искусственное дыхание. А ты что решила?

– Да так... ничего.

– Вы такой молодец! – отмирает Вика. – Бросились за ней, как герой. Ни секунды не подумали!

– Теперь дважды буду думать, – огрызается Гаранин.

– Нина, ты бы хоть «спасибо» спасителю сказала, – упрекает меня Эля и ослепительно улыбается Гаранину.

– Спасибо, Самсон Викторович, что нырнули за мной, – благодарю послушно, а саму на смех пробивает.

У меня в подростковом возрасте была фантазия – я тону, а меня спасает красивый пират или капитан, выносит на пляж, и мы страстно целуемся на золотом песке в лучах заката. Но красивые пираты или капитаны мне не подвернулись, и плавать я научилась так, что сама любого спасу, и фантазия отправилась в утиль.

И вот надо же – сбылась таким вот нелепым образом! Впрочем, все как обычно.

– Позвольте угостить вас дайкири за спасение нашей подруги, – берет на себя инициативу Эля. – Впрочем, нет – для вас только «Манхэттен», коктейль для настоящих мужчин!

Смотрю на Элю с завистью – умеет она завернуть! Знает, как самцу польстить и сразу возбудить в нем интерес. Я бы до такого и в жизнь не додумалась – коктейль для настоящих мужчин, надо же! Шоколадный милкшейк не для них, нет-нет!

Впрочем, я в коктейлях не разбираюсь. Как и в мужчинах.

– Нет, спасибо. Мне еще работать. Как и вашей подруге, – отвечает Гаранин с прохладцей.

– Нина Егоровна, как наиграетесь в кита, возвращайтесь в бизнес-центр. Даю вам час.

И он уходит, так и не искупавшись. А на спине у него длинная красная полоса – это я его поцарапала, пока он меня спасал. Грудь сжимается от чувства вины.

– Ну? И чего вы визг подняли? – обращаюсь к девчонкам. – Или вы это специально?!

– Не специально, но вышло неплохо, – говорит Эля. – Он тебя спас, и теперь станет смотреть на тебя иначе. В нем проснется чувство ответственности за тебя. А может, и мужской интерес.

– После того как она его в бассейн опрокинула и посмешищем выставила? Вряд ли, – сомневается Вика, а глаза радостно блестят. – Нина, можно, я за твоим шефом ухаживать буду?

– Ты у меня разрешения спрашиваешь? – удивляюсь я.

– Ну, он же твой начальник. Мало ли что.

Машу рукой:

– Делай с ним что хочешь.

– Девочки, пойдемте, – командует Эля. – Я заказала нам в косметическом кабинете расслабляющий массаж и шоколадное обертывание.

– За час управимся? – сомневаюсь я. – Меня шеф будет ждать. Я теперь на работе, а не в отпуске.

– Управимся, – обещает Эля.

И обманула.

Глава 4. Рыжий дедушка Мороз

Начинаем с травяных напитков в баре. Выбор тут большой: коктейли из сока репы, из сельдерея с крапивой, из щавеля с пылкой одуванчика. На вкус – гадость несусветная, зато содержат полный алфавит витаминов.

Замечаем весы и встаем на них по очереди. Печалимся, видя цифры на дисплее.

С горя идем в арома-душ, где по глупости выбираем программу «Арктический бриз». Когда душ хлещет по нам ледяными струями, визжим, как резанные.

Спешно переключаем на «Тропический водопад», чтобы согреться.

Лишь попробовав все программы, отдаемся на милость косметологов.

Нас укладывают на кушетки, расставленные полукругом. Так Эля потребовала, чтобы мы могли болтать. В этом ведь суть девичников – натрепаться от души о своем, девичьем.

Вика достает телефон, листает фотографии, многозначительно ухмыляется.

– Шеф у тебя красавец-мужчина! Даже резиновая утка ему к лицу.

– Ты фото сделала, как он бултыхался? – доходит до меня.

– А как же! Поставлю себе на рабочий стол, буду любоваться, – поддразнивает меня Вика. – Жаль, что он не из сауны выскочил в чем мать родила. Картина получилась неполная. Осталась недосказанность.

– Удали немедленно!

– Зачем? Я хотела фото в паблике запостить.

– Сдурела?!

– Ладно-ладно, не буду. Вот, скину тебе на память. Каждый раз, когда шеф на тебя орать будет, ты эту фотку вспомни. Сразу все станет по барабану. Как можно бояться шефа, когда он голый, мокрый и с резиновой уткой на макушке?

Тренькает сигнал: пришло фото. Хватаю телефон, но вижу на часах время и паникую.

– Мне пора! Гаранин уже ждет.

– Нинка, не смей! – грозно приказывает Эля. – Тебя только-только шоколадом намазали! Подождет твой шеф, никуда не денется. Девушка должна опаздывать.

– Я для него не девушка, а сотрудник. Причем провинившийся. Где тут душ?

Еще десять минут трачу на то, чтобы привести себя в порядок.

В бизнес-центр забегаю красная, с мокрыми волосами.

Шеф хмуро сверкает на меня глазами.

– Вы на сорок минут опоздали, – выговаривает внушительно. А затем замирает и расширяет ноздри своего классического носа с легкой горбинкой:

– Почему от вас так странно пахнет? Как будто вы в какао искупались.

– Меня мазали шоколадом. Процедура такая, косметическая.

– Вот оно что, – удивляется он и подсовывает мне папку с документами. Наклоняется к моей шее, втягивает воздух еще раз.

– Вкусно. Ну вот, теперь мне хочется шоколада.

Встает и уходит к буфету, а когда возвращается, в руке у него плитка дорогого темного шоколада.

Неторопливо разворачивает обертку, отламывает половину плитки и протягивает мне.

– Угощайтесь, Нина Егоровна.

– Спасибо.

Он кладет дольку в рот. При этом не отрывает глаз от моего лица, и его взгляд меня смущает.

Он как будто шоколад смакует, но представляет при этом вкус моей кожи. Сидит в вальяжной позе: развалился в кресле, нога на ногу, локоть небрежно опирается на подлокотник. Властный породистый самец.

У меня на руках волоски встали дыбом.

Ругаю себя за дурацкие мысли и открываю на компьютере документ.

– Нина, почему вы шоколад не едите?

– Простите, Самсон Викторович, он без сахара, слишком горький.

– Вы сладкоежка?

– Стопроцентная. А вы?

– А я нет. Не люблю сладкое.

– А что вы еще не любите? – вдруг спрашиваю не пойми с какой стати. Что-то за язык дернуло.

– Не люблю, когда опаздывают и ведут себя халатно.

Ну да, какого еще ответа я ожидала?

Он откладывает шоколад и открывает папку с документами. Это сигнал для меня заткнуться и приступить к работе.

Но я еще не все сказала.

– Самсон Викторович, извините, пожалуйста, за бассейн. Вы очень храбрый. Если бы я на самом деле тонула, вы бы меня спасли. Но я испугалась, не разобралась в ваших намерениях, поэтому и столкнула вас в воду. Еще и поцарапала случайно. Если вам нужно кому-нибудь объяснить, откуда царапины, вы скажите только: я ей подтверждаю, что это случайность, а не... а не...

О боже, что я несу.

Гаранин смотрит на меня с живым интересом:

– Кому это «ей» вы собрались что-то объяснять?

– Ну... жене или девушке вашей. Она может решить, что эти царапины на спине... ну...

– Жены, как и девушки, у меня в данный момент нет, и объяснять никому ничего не надо.

Он морщится.

– Глупо вышло. У вас, надеюсь, нет фотографий, как я с уткой на голове из бассейна выныривал? Вы их не собираетесь у себя в соцсетях выкладывать? Если это сделаете, вам конец.

– Нет-нет, что вы! – пугаюсь я.

Гаранин сердит, это заметно. Вон как брови хмурит, губы сурово стискивает.

Делаю мысленную пометку: генеральный не любит выглядеть глупо. Он должен всегда сохранять лицо. Вот почему он такой собранный, неулыбчивый. Шуток себе не позволяет, только едкий сарказм.

Интересно, он такой от природы или прикидывается?

Скорее утыкаюсь в документы, пока еще чего лишнего не наговорила.

Работаю, украдкой поглядываю на шефа. Он меня интригует. Понятно почему — меня еще никто и никогда не спасал. Такой поступок впечатляет.

А еще интересно наблюдать, как гендир работает. Как заведенный, другого слова не подберешь.

Документы читает с бешеной скоростью. Решения принимает молниеносно. Тут же звонит кому надо, все растолковывает и приказывает. Возражения пресекает.

У него все под контролем, все по полочкам, все эффективно.

На фоне его кипучей деятельности моя возня с бумагами выглядит вяло. Я абсолютно бесполезное существо и толку от меня ноль.

Сосредоточиться на работе сложно: мой телефон бесконечно вибрирует.

Девчонки шлют фотографии. Держат меня в курсе того, как прекрасно они проводят время. Проявляют садистскую заботу о подруге, вынужденной корпеть над работой.

Вот они на веранде, едят мороженое. А вот качаются на качелях – волосы развеваются, коленки сверкают!

О, а теперь они на танцплощадке, берут урок сальсы у аниматора с внешностью Антонио Бандераса.

Кусаю губы от зависти. Вздыхаю.

– Нина, дайте сюда ваш телефон, – непреклонно требует Гаранин.

Подпрыгиваю от неожиданности.

– Пожалуйста. – Испуганно протягиваю аппарат. Он опускает его в карман.

– Пусть пока побудет у меня. Потом отдам. Он вас отвлекает. Во время работы необходимо отсечь все лишнее. Никаких соцсетей и интернета. Вы совершенно не умеете организовывать свой рабочий процесс.

– Я умею, – возражаю робко.

– Нет, не умеете. У вас есть хоть какие-то навыки планирования продуктивного труда?

– Где-то завалились.

От усталости и досады начинаю дерзить.

Гаранин смотрит на меня долго, пристально, неодобрительно.

– Я займусь вами. Научу вас быть эффективным работником, Нина.

– Самсон Викторович, простите, но давайте отложим этот урок? Я и правда устала. Такой день насыщенный выдался...

– Ну да. Битва за блины, побег через окно, попытка утопиться в бассейне, превращение в шоколадный батончик.

Губы Гаранина трогает тень улыбки. Несмело улыбаюсь в ответ.

– Уже семь часов. Конец рабочего дня, – показываю глазами на часы на стене.

– Пока вы со мной, рабочий день у вас будет ненормированный.

У меня вырывается досадливый вздох. Шеф собирается держать меня тут до полуночи? Чертов эксплуататор!

– Вас что-то не устраивает, Нина Егоровна? – Он буравит меня взглядом.

Меня не устраивает абсолютно все.

Надоело сидеть в холодном зале. Глаза пересохла от экрана, а голова пухнет от цифр. Я чувствую себя очень глупой. На меня давит постоянный контроль шефа.

Хочу отдыхать, а не работать.

Подозреваю, что Гаранин изощренно мстит мне. Только ли за обман с отпуском? Может, и за тот эпизод под елкой? Но тогда я пострадала, а не он.

Чувствую, что уголки моих губ сами собой ползут вниз, и вид у меня делается разнестчастный.

– Ну хорошо, отпущу вас, – вдруг смягчается шеф. – Однако будьте на связи. Доклад мы с вами не закончили, у меня могут возникнуть вопросы по материалам. Хорошенько обдумайте структуру, пока отдыхаете в номере.

– Вам бы тоже отдохнуть, – предлагаю ему, выключая компьютер и вставая. – Сходите на танцы, погуляйте!

– Спасибо за заботу, но нет. Кстати, завтра мы с вами ненадолго съездим в техническую библиотеку в Академгородке. Надо поднять некоторые документы по технологии деревообработки. Тут недалеко, двадцать минут на машине.

Новость удручает. А мы-то с девчонками прогулку на велосипедах запланировали!

Забудь о прогулках, Нина. Ты теперь в рабстве. И не освободишься, пока не отработаешь свою ложь.

Поднимаюсь в номер, едва волоча ноги. Часы, проведенные в обществе генерального, кажутся веками.

Тяжелый он человек. Как бы мне от него отделаться?

Девчонки встречают меня радостными криками.

– Я думала, ты у шефа на ночь останешься, – предполагает Вика, а когда я корчу страшное лицо, добавляет: – Будешь отчеты с ним писать при свечах, презентациями заниматься за бокалом вина.

– У тебя все мысли только об одном.

– Будь у меня такой шеф – все мои мысли только и были бы, что о нем одном. Нина, ты клуша. Не умеешь разыграть свою карту. Ух я бы на твоём месте!

– Зачем тебе на моё место? Ты же спасателя нашла. У тебя с ним свидание сегодня.

– Не пойду, – отмахивается Вика. – Он тупенький.

– Чем сейчас займемся?

– Устроим пижамную вечеринку и будем гадать! – объявляет Эля. – Помнишь, как в девятом классе?

Еще бы не помнить! Меня охватывает ностальгия. Ох, как мы тогда отжигали! Девять лет прошло, подумать только! Это время не вернуть, но попробовать можно. Получится ли?

А почему нет? Мы оставили взрослые проблемы в городе. У нас праздник непослушания.

– Надеваем пижамы, – велит Эля.

Мы переодеваемся, смотрим друг на друга и прыскаем от смеха.

Да, нам уже не шестнадцать.

У Эли шикарная шелковая пижама-кимоно, ни одна девчонка такую не наденет. У Вики – нечто невообразимо сексуальное и прозрачное. У меня кружевная майка и шорты, вполне приличные, но с намеком. Лишь Маша запаслась целомудренным хлопковым костюмом с ромашками.

Рассаживаемся на полу, подложив подушки для удобства. Всем немного неловко. Все-таки мы теперь взрослые тетки, а Эля ждет от нас поведения подростков.

– Давайте сплетничать, как в детстве, – предлагает Эля. – Нина, ну-ка, расскажи нам что-нибудь веселенькое. Что еще с тобой за последнее время прикольного случилось?

– Да ничего особенного, – отмахиваюсь. – Старею, видимо. У Вики истории поинтереснее будут. С кем ты сейчас встречаешься?

– С Эдиком и с Игорем, – хвастается она. – Но это ерунда, все несерьезно.

– О боже, – закатываю я глаза. – Ничего не меняется. В школе ты встречалась сразу с тремя, да еще и к физруку подкатывала.

Постепенно неловкость уходит. Мы говорим наперебой:

– А помнишь, как Вике в сумку с физрой кирпич подложили?

– А помнишь, как Машкабутерброды под партой лопала?

– Нет, а помнишь, как мы в лаборантской фейерверк запустили?

– А помнишь...

Мы перебрасываемся воспоминаниями, как мячиками. И вот к нам уже возвращаются подростковая безбашенность и задор.

В болтовне иногда мелькает имя Богдана. Каждый раз я чувствую легкий укол в области сердца. Это не ревность, нет. И не боль от потерянной любви – конечно, я уже не влюблена в Богдана. Это лишь грусть о том, что не сбылось.

Мне хочется расспросить Элю о Богдане, но она упорно отмалчивается о женихе, даже фото его не хочет показывать. Она бережет свое счастье от посторонних.

Эля придумывает гадать. Оказывается, есть такая традиция – гадать на девичниках.

Она высыпает перед нами гору шоколадных яиц.

– Каждый берет одно, открывает. Игрушка, которая попадется, предскажет ваше будущее, – объясняет она.

Мы поспешно хватаем яйца. Шоколадную скорлупу отправляем в рот, открываем контейнеры.

– Какая прелесть, – умиляется Маша уродливому синему гному.

– Ну что за фигня, – расстраивается Вика. Ей достались пластмассовые детальки, из которых надо собрать непонятную игрушку по схеме. У нее ничего не получается.

– Все верно, – говорит Эля снисходительно. – У тебя и в жизни так – сплошная путаница. А у меня вот что...

Она показывает детское колечко с пластмассовым изумрудом. Гордо надевает его на мизинец. Рядом на безымянном пальце у нее красуется кольцо с бриллиантом, которое подарил ей Богдан.

– Ты это нарочно, – обвиняет ее Вика. – Нинка, а у тебя что?

А у меня... волк. Пластмассовый, зубастый. Яжимаю плечами и торопливо прячу игрушку под подушку.

Эля открывает припасенное шампанское. После пары бокалов мы расшалились. Дурачимся, как в детстве. Эля включает телевизор, находит музыкальный канал и эротично танцует на кровати. Пружины стонут под ее ногами.

Вика бросает подушку в Машу и попадает.

– Это тебе за то, что ты в десятом классе моей мамке проболталась, что у я у Сашки ночь провела, а не у тебя!

– Ах так! – Маша вскакивает, щеки красные, коса хлещет по плечу. – Вот тебе!

Вика валится на пол, когда в голову ей прилетает подушка. Удар так силен, что из наволочки сыпется наполнитель.

– Девчонки, осторожнее! – пугаюсь я и получаю подушкой в живот.

– Нинка, ты специально тогда Мишку на танец пригласила, чтобы его у меня отбить! – вопит Вика.

– Не было такого, не гони! – кидаю ей подушку обратно, Вика уворачивается.

Эля хохочет, как ведьма, делает музыку громче.

В дверь стучат.

– Машка, открой, это пиццу принесли!

Но Маша не слышит: она катается по полу, заливаясь от смеха, с подушкой в обнимку.

Стук повторяется – громче, требовательнее.

Я швыряю вторую подушку в Вика и сбиваю подругу на спину. Она рычит от ярости, а я бегу к двери.

Открываю, отступаю на шаг.

– Заносите! – кричу я. Слышу за спиной надсадное «Эх»! Догадываюсь – в меня летит подушка.

Инстинктивно отскакиваю в сторону, поднимаю руки, чтобы предупредить горничную об опасности.

В комнату входит Гаранин.

Я так и застываю с открытым ртом и поднятыми руками.

Подушка с силой снаряда попадает Гаранину в лоб. Наволочка окончательно рвется, и шефа осыпает пушистыми шариками наполнителя. От удара Гаранин делает шаг назад, отбрасывает подушку боксерским хуком.

– Вы совсем сдурели?! – рывкает он.

Мы смотрим на него, застыв в ужасе. Весь в белых снежных ошметках, Гаранин похож на новогоднего монстра.

Пух на его изумрудном свитере, в волосах, бровях, бороде и даже в ноздрях. Он звучно чихает.

– Будьте здоровы, – желаю ему, заливаясь жаром с головы до ног.

Гаранин стряхивает пух с лица и смотрит тяжелым взглядом. А я стою перед ним в черной кружевной маечке и шортиках, и щеки у меня красные, как помидоры. Бежать некуда.

– Самсон Викторович, пожалуйста, простите! – с глубоким раскаянием произносит Эля и сходит с кровати, как королева с трона. Она глубже запахивает кимоно – но делает это так хитро, что вырез на груди расходится. – Такая дурацкая случайность!

Она шагает к нему модельной походкой и ласково снимает двумя пальцами пушинку со свитера.

И Вика тут как тут – в полупрозрачной сорочке с бантом на груди и разрезом до бедра – оглаживает его ладонями по плечам, тоже пух счищает. Взгляд сделала исподлобья, томный, губы трубочкой. И ни капли стеснения за свой более чем откровенный наряд.

– Вот как она это умеет, а? – с восторженным ужасом шепчет мне Маша.

Эля и Вика обхаживают Гаранина, как наложницы своего господина. Эля действует утонченно, Вика – откровенно.

В первую секунду Гаранин теряется от такого внимания. Его брови дергаются вверх, он напрягается, отрицательно мотает головой и отступает.

– Не надо, я сам.

И даже выставляет руки в заградительном жесте. Надо же, какой стойкий.

– Самсон Викторович, налить вам шампанского? – предлагает Эля. – У меня девичник. Мужчинам сюда нельзя. Но раз вы ворвались, с вас штраф, – она лукаво улыбается.

– У меня дело к Нине Егоровне, – он поворачивается ко мне и смотрит на мои голые ноги. И лишь потом с некоторым трудом переводит взгляд на мое лицо. Сразу начинает яростно выговаривать:

– Вы забыли скинуть мне последнюю версию текста. Она нужна мне срочно. У меня работа из-за вас стоит!

– Так надо было позвонить, – говорю растерянno. – Я бы скинула.

Провожу руками по растрепанным волосам в попытке их пригладить. Потом спохватываюсь и одергиваю майку. Взгляд шефа как будто дрогнул: вверх-вниз, с моей груди на губы.

– Надо было вам взять телефон, – отрезает он. – Раз десять звонил и сообщения писал.

Бросаю взгляд на телефон на столике – ой, и правда, мигает огонек уведомлений. А звук-то я отключила.

– И что мне теперь делать?

– Немедленно скинуть файлы.

– Один момент! – Бросаюсь к телефону.

– Самсон Викторович, ну зачем вам сейчас думать о работе! – всплескивает руками Вика. – Присоединяйтесь к нам. Мы тут гадаем, подушками деремся! Давайте кто кого? Чур, я в вашей команде!

Он смотрит на нее в упор; Вика не дрогнула, изгибает губы в призывной улыбке.

– Спасибо за приглашение, но откажусь, – говорит Гаранин. – Нина Егоровна, попрошу вас не засиживаться до полуночи. Завтра мы в полвосьмого уезжаем в библиотеку. И структуру доклада не забудьте к этому времени поправить. Спокойной ночи.

И он уходит.

Мы растерянno смотрим друг на друга пару секунд, потом девчонки взрываются смехом. Хоточут со всхлипыванием, держась за животы.

А вот мне не до смеха. Кажется, меня завтра расстреляют.

Вика показывает телефон, который она все это время держала в руке. И фотать успевала украдкой.

– И еще один шедевр в коллекцию! – она демонстрирует фото заснеженного Гаранина. – Нет, ну какой мужчина! Рыжий дедушка Мороз, борода из ваты! Заверните, беру.

И чувственно, мизинчиком, гладит экран.

– Ты извращенка, – говорю ей устало и бреду к ноутбуку – доклад править. Да-да, именно так я и мечтала провести ночь.

Девчонки смотрят на меня жалостливо. Но от планов не отказываются. Раз пижамная вечеринка сорвалась, они переодеваются и идут потанцевать.

Маша предлагает остаться со мной в качестве моральной поддержки. Я признательна, но отказываюсь.

– Счастливо тебе развлечься, – желает Вика.

– Сгинь! – угрюмо отвечаю и начинаю стучать по клавишам.

Глава 5. Разгром библиотеки

Утром еле-еле продираю глаза. Я работала до трех ночи, но сделала все, что потребовал Гаранин. Доклад слепила, презентацию закончила.

Кто молодец? Нина молодец!

Теперь я готова ехать с шефом в библиотеку. Понятия не имею, зачем я там ему нужна. Кто вообще нынче ездит в библиотеки работать, когда все, что нужно, есть в интернете?

В полудреме одеваюсь и принимаю холодный душ. На цыпочках выхожу из номера и спускаюсь завтракать.

Ресторан только открылся, столики пустые. Нормальные постояльцы отсыпаются.

Зато все блинчики мои – ешь не хочу. Вот только и правда не хочу. Мой организм не привык питаться в такую рань.

Пошатываясь, наеживаю себе кофе, сажусь за стол у окна и обхватываю гудящую голову.

– Доброе утро, – приветствует меня Гаранин омерзительно бодрым голосом. Шеф не испытывает ко мне никакой жалости.

Он свеж, энергичен и зверски голоден. Его тарелка полна снеди.

Гаранин задумчиво смотрит на мое блюдо, где тоскует одинокая печенка, качает головой и перекладывает мне половину своего завтрака: ветчину, сыр и пару блинчиков.

Подумав, забирает блинчики обратно.

Оторопев, слежу за его манипуляциями.

Оказалось, он не пожадничал, а позаботился. Потому что уходит и приносит мне другие блинчики – с клубничным джемом и маскарпоне.

– Вы же сладкоежка, лучше попробуйте эти.

– Спасибо, – из вежливости ковыряюсь в тарелке.

– Выше нос, Нина, – приказывает шеф. – Нет ничего приятнее, чем встать рано утром и переделать все дела, пока голова свежая. Нас ждет интересный и насыщенный день.

Согласно киваю. Не буду же я с ним спорить, с жаворонком-маньяком.

Закончив с завтраком, идем на стоянку. Машина шефа похожа на инопланетный танк – большая и черная, с мордой странной формы.

Пока дошли, я замерзла. Утро, может, и прекрасное, но прохладное. А я, когда не выплусь, всегда мерзну.

Меня бьет крупная дрожь, даже зубы клацают. Крепко сжимаю челюсти, чтобы шеф не услышал.

На мои плечи ложится тяжелая ткань. Гаранин галантно пожертвовал свой пиджак.

– Что ж вы так легко оделись, Нина?

Вот тебе и галантность. Без упрёка обойтись не может.

Первый порыв – скинуть пиджак гордым королевским жестом. Но я не могу себе его позволить. Бормочу благодарность и осторожно закутываюсь.

Хороший пиджак. Подкладка шелковистая, еще хранит тепло тела шефа. И пахнет, как он, – имбирем. Я как-то разом просыпаюсь.

– Садитесь. – Гаранин распахивает для меня дверцу. Забираюсь, стукнувшись коленкой о порожек.

Шеф садится за руль, но прежде чем завести мотор, достает папки, перекладывает бумаги. Тщательно проверяет, все ли нужное взял. Изучает список дел на планшете. Еще и в толстенный бумажный ежедневник заглядывает.

У него как у пилота – предполетная проверка. Наверное, когда он выходит из дома, раз десять возвращается удостовериться, выключен ли утюг.

Шеф заводит машину и лихо выезжает со стоянки.

Ехать нам долго, надо, наверное, о чем-то с Гараниным разговаривать. Но тем для разговора найти не могу, хоть убей.

А вот шеф находит.

– Вот вы мне объясните, Нина, – начинает он с претензией: – Как так происходит? Почему стоит вам появиться на моем горизонте, как сразу случается какая-нибудь ерунда?

– Что вы имеете в виду? – спрашиваю осторожно, хотя уже догадываюсь об ответе.

– Елка. Бассейн. Подушка в морду, – перечисляет Гаранин.

Хм. Из новогоднего приключения он выбрал упомянуть елку, а не то, что перед ее падением случилось. Что ж, спасибо на этом.

– Не каждый раз, – поправляю его ради справедливости. – Один раз все нормально закончилось, когда мы с вами в коридоре встретились. Помните? Вы еще кофе наливали. Вы ушли живым и невредимым.

– Исклучение лишь подтверждает правило, – отмахивается он. – Вы это все специально делаете?

Ну как ответить на такой дурацкий вопрос серьезно?

– Нет, конечно, – улыбаюсь. – Просто вы подпали под влияние моей ауры.

– Какой еще ауры?

– Ауры, кармы... проклятия. Я девушка «ни дня без приключений». Я их к себе притягиваю. Вот и вас зацепило ненароком.

– Какого рода приключения? – Гаранин бросает на меня странный взгляд.

Он вообще понимает, что я шучу? Или думает, что я свихнулась?

Но разговор завязался. Я развлекаю Гаранина историями из своей жизни.

Рассказываю про розы, про поливальную машину, про поганца-блогера.

Про то, как уснула в аудитории на лекции, препод меня не заметил, вышел и запер дверь. Мой телефон разрядился, на помощь не позвать. Так и пришлось ночевать на партах. Утром нашего старенького завкафедрой чуть кондратий не хватил, когда он в аудиторию зашел, а я, лохматая и помятая, восстала со сдвинутых стульев из-под парты.

– А вот еще был случай! – тараторю я. – Однажды я застряла в лифте с пятью проповедниками какой-то энергетической секты, и уже через час так озверела от их болтовни, что разжала руками дверцы, как Чак Норрис, и выбралась наружу.

– Ужас какой, – соглашается Гаранин.

Вспоминаю и прочие приключения. Богатая у меня жизнь на события, хоть книжку пиши.

Гаранин слушает с большим интересом. Порой похмыкивает в бороду, на меня удивленно косится. А потом заявляет:

– Хороший вы попутчик, Нина, с вами в дороге не соскучишься. Вы Шахерезаду за пояс заткнете, а барон Мюнхгаузен нервно курит в стороне. Но при чем здесь аура, злой рок? Вы ведь сами виноваты во всех этих происшествиях.

– С какой это стати? – спрашиваю из духа противоречия. Да и надоело, что он меня постоянно критикует. – Я жертва обстоятельств.

– Пройдемся по всем эпизодам, – начинает шеф наставительно. – Если бы вы взяли такси, не попали бы под поливальную машину. Когда идете на важное мероприятие – собеседование в вашем случае, – нужно постараться, чтобы ничто не помешало прийти вовремя. Нельзя заходить в лифт, если там уже много людей. Велика вероятность застрять. Опасно бежать на свидание после пары писем на сайте знакомств. Про вашу ночевку в аудитории и объяснять нечего – нехорошо на лекциях спать.

– А машина с розами? – спрашиваю с вызовом.

– Окей, тут вам просто не повезло, – благородно допускает Гаранин. – Подытожим. Всему виной ваша неорганизованность. Вам нужно научиться держать все под контролем.

– Как вы?

– Да, как я.

Презрительно соплю.

Больно надо мне быть таким, как он. Он же контроль-фрик в худшем его проявлении! То есть человек, одержимый контролем.

– Не все ситуации зависят от нас. Все контролировать просто невозможно.

– Возможно и нужно.

– Самсон Викторович, а что, если я не хочу? Что, если меня все устраивает? Это ведь интересно, когда жизнь полна неожиданностей.

– Не согласен. Больше всего люди ценят стабильность и предсказуемость.

Отрицательно мотаю головой, продумывая умный ответ.

Внезапно мне понравилось спорить с шефом. У меня нет чувства неловкости.

Гаранин хоть и говорит менторским тоном, но умеет и слушать. Он не отмахивается от моих рассуждений: мол, что за ерунду ты несешь, женщина! Он ждет моих ответов, ничего не упускает.

– Эти стабильные люди с тоской вспоминают детство, когда каждый день нес сюрпризы, – размышляю вслух. – Вы заметили: чем старше они становятся, тем скучнее делается их жизнь? Потому что они научились ее контролировать. Они оградили себя забором, заперлись в своем упорядоченном мире. И перестали верить в чудеса. А в детстве чудеса случаются постоянно! Дети любопытны. Они исследователи. Они радуются неожиданностям. Своей тягой к контролю взрослые лишают себя возможности получать подарки. Закрыли дверь в Страну чудес. А потом жалуются, что быть взрослым – скучно! Что все стало предсказуемым, как день сурка!

Гаранин задумчиво шурится.

– Это типа: «В нас пропал дух авантюризма, мы перестали лазить в окна к любимым женщинам»? В ваших рассуждениях есть куча неувязок. Но я понял вашу точку зрения. Вы не хотите взрослеть? И поэтому играете в кита в бассейне и швыряетесь подушками? И радуетесь нелепым происшествиям?

– Простите, но все же вы ничего не поняли, – вздыхаю я.

– Но хочу понять. Знаете, Нина, я ведь навел о вас справки. Написал вчера Леопольду и попросил его прислать информацию о ваших успехах на работе. Увы, они не впечатляют. Вот какие ваши достижения он упомянул: вы устроили состязание между отделами по метанию бумажных шариков в корзины для мусора и скоростной заезд на офисных стульях по коридору.

Напрягаюсь и тереблю ремень безопасности.

Вот ведь гад какой! Усыпил мою бдительность вопросиками с подвохом, а теперь – раз, и распекать!

– Я тут прикинул и считаю, что вашу должность можно убрать безо всякого ущерба для компании.

Я так и подскочила.

– Вы хотите меня сократить?

– Пока нет, – успокаивает Гаранин, но я лишь сильнее нервничаю. – Нина, давайте учиться работать по-новому. Безо всяких этих ваших... происшествий. Я научу вас стать продуктивной и достигать поставленных целей. Я вижу в вас потенциал. Между прочим, презентацию вы сделали хорошую. Мне понравилось.

– Я училась на курсах по оформлению презентации, составлению инфографики и всему такому прочему.

– Значит, легко научитесь и остальному. Я возьму над вами шефство. Если все получится и вы хорошенько постараетесь, сможете занять место Леопольда. Ему пора на повышение. Непроверенного личного помощника брать не хочу. С вами мне комфортно, мы прекрасно сработаемся, что тоже важный фактор. За полгода-год я сделаю из вас то, что мне нужно.

Хлопаю глазами и перевариваю услышанное.

Какой из меня, нафиг, личный помощник генерального?

Гаранин смотрит на меня с ободряющей улыбочкой. Наверное, думает, что я онемела от радости, услышав его предложение.

– Эээ... Самсон Викторович, но...

– Все, мы приехали. Продолжим разговор позже, – прерывает он меня.

Оставляем машину на стоянке и заходим в библиотеку.

Это очень старое здание, и оно никогда не слышало слова «ремонт».

Внутри тоже не хоромы. Надо полагать, местным чиновникам плевать на это заведение с высокой колокольни.

Стены покрашены в цвет болотной тоски. Душно, кондиционеров нет. На полу замызганный линолеум. Стоят доисторические каталожные шкафы. Компьютеров в зале всего две штуки. Они старые, как гуано птеродактилей. На таких компах только пасьянсы раскладывать, да и те будут тормозить.

Но пахнет тут хорошо, правильно – старой бумагой.

Гаранин шагает к стойке.

– Я оставлял по телефону заявку на книги.

Он называет фамилию, библиотекарьша кивает и уходит за заказом.

– Самсон Викторович, что мы тут делаем? – спрашиваю я. – Вы наверняка могли найти эти книги в интернете.

– Это очень старые издания. Они не оцифрованы. Мемуары столяра-краснодеревщика девятнадцатого века.

– А зачем они вам?

– Я пишу книгу, – без всякого пафоса отвечает Гаранин.

Надо же! Никогда не встречала настоящих писателей. Ну, кроме моего двоюродного брата, который кропает фанфики и имеет аж десять читателей. Но это не считается.

– А какую книгу? – спрашиваю с почтением. – Исторический роман? Или приключенческий?

– Справочник по истории мебельного дела.

– Ясно.

Я немного разочарована.

Библиотекарьша как сквозь землю провалилась. Может, заблудилась в лабиринтах архива и ее сожрал библиотечный монстр.

Ждем.

Уже минут пятнадцать прошло. Гаранин недовольно барабанит пальцами по стойке. Он не любит терять время зря. Его заказ не подготовили заранее, и он начинает закипать.

– В библиотеках есть такая услуга – оцифровка книги по запросу. Заказываете онлайн, оплачиваете, и вам высылают сканы, – осмеливаюсь подсказать ему.

– Правда? Не знал. Что ж вы раньше не сказали?

– Вы не спрашивали.

– Что ж, в следующий раз так и сделаю.

Гаранин удивлен. В его глазах появляется уважение. Он не ожидал от меня таких познаний.

А вот и библиотекарьша. Пыхтит, тащит штук пять книг в старинных кожаных обложках. Гаранин обращается к ней:

– Вы можете откопировать нужные страницы?

– Мы все можем! Но не сегодня. Ксерокс сломался, – кокетливо объясняет та.

– А отсканировать?

– Тоже не сегодня. Сканер занят срочным заказом. Заранее нужно бронировать

– Ладно, – смиряется Гаранин. – Раз уж приехали, поработаем тут. Здесь тихо, никто отвлекать не будет. И у вас, Нина, соблазнов меньше.

Делать нечего – переходим в читальный зал. Тут несколько длинных столов, дальше – стеллажи с пожелтевшими брошюрами. Которые никто и никогда не читал.

Компьютер всего один, с крохотным монитором.

Гаранин с сомнением смотрит на него.

– Уступлю вам свой ноутбук. Вы будете раскидывать по главам заметки, которые буду вам пересылать.

Приступаем к работе. Гаранин втискивается за неудобный стол. Обкладывается книгами и начинает увлеченно их листать.

Достает телефон, чтобы сфотографировать нужную страницу, но библиотекарша налепает, как дикая гусыня, и шипит страшным шепотом:

– Что вы делаете?! Это редкие рукописи! По правилам библиотеки их нельзя фотографировать!

Гаранин недоволен, но не спорит. Правила он уважает, даже странные.

– Нина, задание меняется. Будете переписывать текст.

Забирает ноутбук, вручает мне ручку, тетрадь и книгу.

Теперь я личный писарь шефа.

Покорно строчу. Я этого не делала со студенческих времен. Рука отвыкла, почерк нечитаемый, им только шифровки составлять – ни один шпион не разберет, что я накалякала.

Через час запястье сводит судорогой. Да еще писанина этого папы Карло невыносимо скучная, в старинной орфографии, с ерами и ятями. Скрипя зубами, копирую все. Пусть Гаранин сам переводит описания всех этих «ломберных столов и прочих полированных издѣлій».

Кошусь на шефа. У него пальцы летают по клавиатуре, глаза горят. Умеет человек развлекаться.

Встаю и потягиваюсь, сцепив над головой руки, делаю наклоны.

Гаранин бросает на меня полный любопытства взгляд. Может, ждет, что я сделаю стойку «березка» или пройду колесом.

– Разомну ноги, – объясняю я ему и иду прогуляться между стеллажами. – Все себе отсидела.

Чувствую, Гаранин смотрит мне вслед. И сдается, смотрит прямо на то место, которое я отсидела. Оно у меня обтянуто тесными джинсами.

Проход между стеллажами узкий. Корешки скучные. Сплошь разные справочники да рефераты, напечатанные на дешевой серой бумаге.

И тут я вижу что-то яркое. Приглядываюсь: ох, ничего себе!

Бабочка. Да какая редкая! Самый настоящий махаон с синими полосками и желтыми пятнами на крыльях. Она влетела в открытое окно зала и теперь не может выбраться.

Бабочка срывается с места, делает полукруг над шкафом и садится на самую верхнюю полку.

Тихо, на цыпочках, подкрадываюсь. Миссия – поймать и выпустить на волю.

Но до бабочки так просто не добраться. Ставлю ногу на полку, хватаюсь за соседнюю, подтягиваюсь. Осторожно подвожу руку к бабочке – только не повредить ей крылья!

Стеллаж вздрагивает и кренится под моим весом. Махаон вспархивает.

А у меня-то крыльев нет!

Мигом разжимаю пальцы, шлепаюсь попой на пол и в ужасе вижу, как на меня медленно падает стеллаж. От страха меня парализовало.

Меня осыпает брошюрами. Они легкие, но мне вот-вот прилетит в лоб железной полкой.

Быстро перебираю руками-ногами и отползаю назад. Упираюсь спиной в стеллаж во втором ряду – и он тоже шатается и подается.

В ужасе вскрикиваю и откидываюсь набок.

– Какого хрена, Нина Егоровна?! – слышу крик Гаранина.

Он молниеносным броском вклинивается между мной и шкафом и принимает спиной его вес. От толчка подается вперед и падает, но успевает выбросить руки и упереться в пол, закрыв меня телом.

Это натуральная катастрофа! Я лежу, надо мной в планке стоит Гаранин, удерживая на себе стеллаж.

Кругом грохот и шум падающих книг, шелест страниц. И все это приправлено душераздирающим воплем библиотечарши:

– Вы что натворили!

Я вызвала эффект домино – стеллажи валятся один за другим. За секунду читальный зал превращается в книжные руины.

Лежу и хлопаю глазами. Я в глубоком шоке. Надо мной красное от натуги и бешенства лицо Гаранина. Вены на его лбу вздулись, челюсть напряжена.

При этом он выглядит просто потрясающе, невыносимо мужественно.

Я чувствую на лице его горячее дыхание. У меня громко колотится сердце.

Гаранин издает низкий горловой рык и толкает спиной шкаф.

А мне в голову лезут странные мысли. Очень далекие от катастрофы, которую я учинила.

Интересно, Гаранин так же рычит, когда он в кровати... нависает... над какой-нибудь девушкой?

И вдруг представляю себя на месте этой девушки.

Меня накрывает горячей волной стыда и волнения. Я зажмуриваюсь.

За веками посветлело. Открываю глаза: Гаранин поднял стеллаж на своих плечах и поставил его на место.

Поворачивается, видит меня, протягивает руку. Я слабо беру ее. Он тисками сжимает мою ладонь, рывком выдергивает меня из кучи брошюр и ставит на ноги.

– Какого... дьявола... вы полезли... на шкаф? – спрашивает он с расстановкой. Так грозно, что у меня трясутся поджилки.

– За ба... ба... бабочкой, – BLEЮ я.

– Какой, к хрену собачьему, бабочкой?!

– Вот этой.

Тычу пальцем в пространство над его головой.

Там порхает махаон. Мне кажется, он смеется над нами тихим шелестящим смехом.

Глупое насекомое опускается прямо на лоб Гаранина. Он вздергивает руку и хочет прихлопнуть помеху.

Я хватаю его за рукав:

– Не убивайте! Это редкий вид, он в Красной книге!

Махаон почуял неладное и перелетел на поверженный стеллаж.

– Это вас надо занести в Красную книгу, Нина Егоровна. Как особо опасный для человека вид.

Гаранин накрывает бабочку своими крупными ладонями, словно домиком. Перешагивает через полки, подходит к окну и выпускает махаона на волю.

Библиотечарша стонет и кудахчет. Мечется по залу в отчаянии. Она готова вырвать свои пергидролевые пряди.

– Вы что наделали! И ведь приличные на вид люди!

– Мы все приведем в порядок, – обещает Гаранин стальным голосом. – А вообще-то нужно подать на вас в суд. Вы не закрепили стеллажи должным образом. Эти шкафы непригодны к использованию. Моя помощница могла покалечиться.

– Да где я вам возьму пригодные, с нашим-то финансированием, – огрызается библиотечка.

– Давайте исправлять, что натворили, – велит мне Гаранин.

И сам подает пример: начинает поднимать стеллажи.

До обеда мы наводим порядок в библиотеке. Заодно я получаю урок «ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций» – так Гаранин обозвал нашу уборку.

Признаться, он меня впечатлил. Он ведет себя, как и должен настоящий мужчина – эффективно и немногословно. Не истерит, ногами не топает, не ругается (по крайней мере, вслух). Он впрягается в работу наравне со мной, действует четко и по плану.

Без усилий ворочает стеллажи и попутно объясняет библиотечке, как их правильно закрепить, чтобы больше такой фигни не случалось. Та согласно кивает и вздыхает.

Потом он помогает мне собирать брошюры. Но мало собрать: надо еще расставить их на прежние места.

Библиотечка дает нужные указания. Она уже успокоилась и даже приятно взволнована. Мы разнообразили ее скучный трудовой день.

Немного поруководив, она сматывается пить чай.

Гаранин со мной не разговаривает. Но догадываюсь, о чем он думает. Хорошо, что он не озвучивает свои мысли. Такого порядочной девушке лучше не слышать.

– Опять будете утверждать, что все вышло случайно и вы ни в чем не виноваты? – спрашивает он внезапно.

– Нет, не буду. Зря я полезла на этот шкаф, – признаю кротко. – Надо было вас позвать, вы выше, дотянулись бы.

Но сердце шефа не смягчается.

– Вы головой хоть иногда думаете, Нина Егоровна?

– Я думала сердцем. О том, что нужно выпустить бабочку на волю. Иначе она бы захламляла среди книг. Сегодня мы с вами сделали одно очень хорошее дело. День прожит не зря.

Гаранин издает какой-то сдавленный звук, как будто он с усилием загнал крепкое ругательство себе обратно в глотку.

– Вы не только бабочку спасли – вы и меня спасли, Самсон Викторович. Большое спасибо. Иначе меня бы прибило шкафом. Вы очень сильный и ловкий.

Гаранин вдруг смеется. У него приятный смех – низкий, раскатистый, заразительный.

Невольно прыскаю в ответ.

– Еще скажите, что я ваш рыцарь. То от елки вас спасу, то от шкафа, то из бездны бассейна вытащу. Что на очереди? Сражение с кофеваркой?

– А что? Кофеварки – они как драконы! Тоже плюются раскаленным паром, – подхватываю шутку.

Дело пошло быстрее и веселее. Гаранин работает с видимым удовольствием.

– Люблю приводить вещи в порядок. Меня хлебом не корми, дай что-нибудь рассортировать, разложить по полочкам, – признается он.

Да я уж догадалась.

Мне нравится работать с ним плечом к плечу. Это оказалось забавно и не скучно. Порой мы перебрасываемся шутками.

Мы раскладываем разного рода методички и авторефераты научных работ. Которые издавали мелкими тиражами «для своих».

Иногда попадаются очень странные заглавия.

Мы зачитываем их друг другу вслух.

– «Аспекты марксистско-ленинской философии в проектировании курятников», – читает Гаранин.

– Ха! А вот, слушайте: «Пособие по разведению ежей в неволе». Всегда мечтала завести ежика!

– Не советую, у меня в детстве был, по ночам топает, как слон.

– А у меня кошка Тигра живет, она по ночам тыгыдым устраивает, я уже привыкла. О, а вот это я бы почитала! «Социально-психологические особенности представлений мужчин об идеальной женщине».

– Это я и сам вам могу рассказать, если захотите, – хмыкает Гаранин.

– Мама дорогая! – пишу я. – Вот так исследование! «Нецензурная брань как мотивирующий фактор при выполнении ремонтно-строительных работ»!

– Ну-ка, дайте посмотреть! – Гаранин вырывает брошюру у меня из рук. Листает и разочарованно замечает:

– Они все самые интересные слова звездочками закрыли. Но догадаться можно, что за выражения в примерах. Надо бы кое-что себе выписать, пригодится.

– Вы закончили? – строго спрашивает библиотечарша, заходя в зал. У нее вид хорошо отдохнувшего, сытого человека.

– Да, почти.

– Пожалуйста, простите нас за беспорядок, – извиняюсь я. – Все вышло совершенно случайно.

Гаранин иронично поднимает бровь.

– Вы дальше работать будете? – интересуется библиотечарша. – Мы через час закрываемся. У нас сегодня короткий день.

– Нет, мы уходим. Нина, завтра мне закажете оцифровку книг, – командует Гаранин. – Теперь это ваша обязанность – снабжать меня нужными материалами для рукописи.

– Самсон Викторович, не стоит вам со мной связываться, – говорю напрямик, с максимальной честностью. – Я не смогу быть вашей помощницей. С моей тягой к приключениям я вам весь бизнес развалю.

– Не развалите, – рассеянно отвечает Гаранин. – Плохой был бы у меня бизнес, если бы каждая легкомысленная девица могла его развалить. А вас мы перевоспитаем. Нина Егоровна, я с голоду умираю. Давайте в кафе заедем, там и обсудим ваши особенности и как с ними бороться.

Заезжаем в самое обычное придорожное кафе, где подают самую обычную еду. Когда забираю свой салат и тефтели у раздатчицы, чувствую, что сейчас откушу ей руку – так есть хочется.

Усаживаемся у окошка. Я наслаждаюсь едой – она тут ничуть не хуже, чем в ресторане «Шантеклер». Слава богу, в капустном салате нет ни винограда, ни каких-нибудь анчоусов.

Гаранину спокойно поесть не удастся. Его телефон беспрестанно вибрирует. В библиотеке он его выключал, как требовало объявление у входа, зато теперь наверстывает упущенное.

Между двумя ложками борща шеф успевает решить десяток задач. Кого-то хвалит, кого-то ругает, о встречах договаривается, с банком и поставщиками дела улаживает.

Мне становится его жалко. Поесть человеку спокойно не дают!

Дожидаюсь перерыва между звонками и прошу:

– Самсон Викторович, можно ваш телефон посмотреть? Что за модель?

Он с замотанным видом машинально протягивает мне телефон и набрасывается на жаркое.

Опускаю телефон в сумочку. В этот момент он опять начинает вибрировать, но я резким движением захлопываю сумку, прячу ее под стул и зажимаю обеими ногами.

– Эй, отдайте! – недоумевает шеф.

– Нет, Самсон Викторович. Поешьте спокойно, а то язву заработаете.

– Нина Егоровна, мне не до шуток, – раздражается он. – Телефон сюда, быстро!

– Если стану вашей личной помощницей, должна буду следить за вашим расписанием и заботиться, чтобы вы его выполняли. У вас сейчас обеденный перерыв. Самсон Викторович, серьезно – пожалейте себя!

Он секунду смотрит неподвижно – решает, что со мной делать.

Выбор у него невелик: либо смириться, либо лезть под стол и разжимать мои колени. А я ведь при этом буду визжать и пинаться, и Гаранин это отлично понимает.

– Ладно, вы правы, – смиряется он и возвращается к тарелке.

Незаметно выдыхаю и смахиваю холодный пот со лба. Не думала, что шеф меня послушается. Мне грозила постыдная сцена.

Обед продолжается в молчании, но я втихую подглядываю за шефом. Теперь он ест не спеша, с видимым удовольствием, аккуратно орудуя вилкой и ножом. Приятно смотреть, как насыщается крупный усталый мужчина, который знает в еде толк. Я даже умиляюсь, когда он подбирает корочкой ржаного хлеба соус с тарелки. Хочется по-бабьи подпереть щеку ладонью и приговаривать: «Кушай-кушай, соколик ясный!»

Интересно, Гаранин один живет? Ему кто-нибудь готовит домашнюю пищу, или он всегда в кафе кормится? Или сам себе кашеварит? И чем вообще занимаются генеральные директора, когда домой приходят?

– Самсон Викторович, у вас есть хобби? – спрашиваю его, когда мы приступили к чаю с булочками.

– Хобби? В каком смысле? Я в тренажерный зал хожу, бегаю по утрам.

– Это не хобби, это здоровые привычки. Я имею в виду какое-то дело, которым вам немедленно хочется заняться, когда вы возвращаетесь домой после работы.

– Лежание на диване с закрытыми глазами считается?

– Нет, конечно.

– Тогда хобби у меня нет.

– А книга, которую вы пишете?

– Мне ее заказали.

– А в детстве были хобби?

– Были, – кивает он, почесывая бороду, с легким недоумением в глазах, как будто не веря собственным воспоминаниям. – В детстве я за многое хватался, все казалось интересным. На барабане играл. В «Дум» резался. Собирал из «Лего» Звезду Смерти. В университете посещал секцию скалолазания, в горы ходил.

– А сейчас ходите?

– Нет. Нина Егоровна, вы плохо представляете взрослый образ жизни большинства людей. Сейчас хобби я себе позволить не могу. Домой прихожу часов в десять, в выходные часто работаю. И мне это нравится.

Наверное, на лице у меня отразился ужас, потому что он усмехается.

– А у вас, конечно же, куча свободного времени и миллион разных хобби?

– Всего одно. Я делаю разные забавные штуки. Броши, ручки, рамки, сумочки... Вот, посмотрите!

Протягиваю к нему свой телефон.

– Этот чехол я сама сделала. Из пластиковой бутылки и фетра.

Мой самодельный чехол – сумочка-сова с глазами-пуговицами.

– Забавная штука. Я еще вчера на нее внимание обратил. Оказывается, вы – мастер «Очумелые руки», – улыбается Гаранин.

– Хотите, и для вас сделаю?

– Сову? Нет, спасибо.

– Могу ежика сделать, раз у вас в детстве ежик жил.

– Представляю, что скажут мои партнеры по бизнесу, когда я на совещании вытащу ежовый телефон.

– Они подумают, что вы очень оригинальный и озорной человек, – улыбаюсь в ответ.

– Я не такой. Не надо портить мне имидж.

Конечно, я и не думала предлагать всерьез. Но мне хотелось его развеселить. И у меня получилось.

– Вот мои поделки, – открываю сайт и показываю фотографии. – Только комментарии к ним не читайте, пожалуйста! Там часто всякую гадость пишут.

Гаранин неторопливо листает страницы. Он внимательно рассматривает каждую фотографию, задает вопросы.

Удивительно. Думала, он лишь мельком из вежливости глянет.

– Вы делаете крутые вещи. Вы их продаете?

– Нет, что вы! Кто такое будет покупать?! Я же только учусь. Даром отдаю всем, кто попросит.

– Тем не менее у вас полторы тысячи подписчиков, – замечает он. – Это немало. Моя племянница – ей шестнадцать – тоже ведет аккаунт. Она печет торты и выкладывает их фотографии. У нее только двести подписчиков, и она очень переживает по этому поводу. Давайте покажу...

И показывает. Тортики, надо сказать, у его племянницы кривобокие, расплывшиеся, неаппетитные. Но я хвалю их все до единого.

– Вы зря не продаете свои изделия, Нина Егоровна. Бойтесь, что вас будут ругать, если вы станете просить деньги за свой труд?

Я поражена его проницательностью. Ну да, именно так и есть.

– Пусть хобби остается хобби. Делом для удовольствия, а не для денег. – Поскорее убираю телефон, чтобы закончить этот разговор.

– Надо уметь устанавливать себе цену, Нина Егоровна.

– Я не вещь на барахолке, чтобы себе цену устанавливать. Скидки на себя тоже прикажете делать?

– Я имел в виду, что у вас низкая самооценка. Это непорядок.

– Это у меня-то низкая? – удивляюсь я.

Он кивает, собирает грязную посуду – и мою, и свою – и относит.

Круто, генеральный мне прислуживает. Как-то это неправильно. Но приятно.

– Едем, Нина Егоровна. Начало дня пошло насмарку из-за вашей бабочки, так что хоть вечером надо поработать.

Глава 6. Чудовище в кустах

К работе он приступает сразу, как только садимся в автомобиль.

Конечно, телефон пришлось ему отдать. Гаранин включает громкую связь, вручает мне планшет. И начинается...

В салоне даже жарко становится от переговоров. Голоса в динамике требуют, уговаривают, приводят цифры, жалуются, грозятся...

Гаранин методично щелкает проблемы собеседников, как орешки, не отрывая взгляда от дороги. Иногда велит, чтобы я открыла то или иное приложение на планшете и записала важную информацию, или письмо отправила.

А я не люблю смотреть в девайсы во время поездок. Меня начинает укачивать.

Но я стоически терплю. Сглатываю горькую слюну, борясь с тошнотой.

Закончив головомойку старшему инженеру, Гаранин дает телефону «отбой», мельком смотрит на меня и спрашивает:

– Нина, вы бледная. С вами все в порядке?

– В полном, – киваю, но это движение вызывает новый приступ тошноты, и я невольно прикрываю рот рукой.

– Вас укачало? Давайте остановимся.

– Не надо, просто окно откройте, пожалуйста. Не могу смотреть на экран во время движения.

Гаранин опускает стекла, холодный ветер бьет в лицо. Часто дышу. Становится лучше.

– Видите, какой из меня помощник аховый. В автомобиле работать не могу.

– Ну и не будем. Когда я за рулем, я обычно отдыхаю. Сейчас просто завал, деваться некуда.

Автомобиль рвет вперед, ветер треплет мои пряди.

– Люблю скорость, – говорит Гаранин. Лицо у него делается умиротворенным.

Я наблюдаю за ним украдкой и подмечаю в нем разные детали. Как обрисовываются жилы на его руках, когда он сжимает руль. Как появляется между его бровями выразительная складка, когда он зорко всматривается в дорогу. Как иногда дергается уголок его губ, как будто он думает о чем-то забавном.

Задерживаю взгляд на его губах. Они у него красивые, чисто мужского, четкого рисунка. Он целовал меня этими губами. Я помню их вкус!

И тут меня словно ударом тока пробивает. В груди делается жарко и тесно.

Поспешно отворачиваюсь и высовываюсь в окно, чтобы остудить дурную голову.

Но в нее все равно лезут разные идиотские мысли и вопросы.

Почему Гаранин тогда ответил на мой поцелуй? Растерялся? Хотел проучить?

Если я стану его личной помощницей, во что это выльется?

В очередную неприятность. Нет-нет, Нина, ни за что. Надо придумать, как ему потактичнее отказать.

Гаранин протягивает руку к панели и включает музыку. Играет что-то энергичное, но романтическое. Мое сердце бьется в такт, то быстрее, то медленнее.

Скорее бы уже приехать. Меня охватывает паника, когда я с ним в замкнутом пространстве.

Вот и отель. Заезжаем на стоянку. Непослушными руками отстегиваю ремень, пальцы скользят, я сержусь и дергаю замок.

– Тихо. Давайте я...

Гаранин освобождает меня, и я пулей вылетаю из салона.

Шеф выходит, забирает папки, девайсы и планшеты. Выкладывает их на крышу автомобиля, задумчиво смотрит на отель. Там играет веселая музыка, слышны взрывы смеха. В парке развесили гирлянды.

Гаранин морщит лоб и трет висок. Я вижу, что он устал.

– Ладно, Нина Егоровна, я вас отпускаю на вечер. Отдыхайте с подругами.

– А вы что будете делать? – вырывается у меня.

– Дальше работать. Завтра выступление на конференции. Надо подготовиться.

– Ну... тогда ладно. Приятного вам вечера, – бормочу я.

– И вам.

В лобби отеля мы расходимся. Я иду искать девчонок, а Гаранин, даже не заглянув в свой номер, шагает в бизнес-центр.

Девчонки релаксируют у бассейна. Подтаскиваю к ним свободный шезлонг и с облегчением падаю на спину.

– Как день прошел? – с горячим любопытством интересуется Эля.

Отмахиваюсь:

– Лучше не спрашивай.

– Что ты сегодня прикольного учудила? – смеется Вика. – Поди, библиотеку разнесла?

– Почти.

Знала бы она, что так оно и было!

– Нина, так дело не пойдет, – хмурится Эля. – Тебя надо спасать от Гаранина.

– Надо ему девушку найти, – подсказывает Вика. – Он тогда на нее отвлечется и даст тебе свободу.

– Ага, уже бегу искать ему девушку. На вечер он меня отпустил, так что я с вами.

Девчонки оставляют тему Гаранина. Мы лежим и наслаждаемся ничегонеделанием.

Вика несет веселый вздор про свои приключения в ночных барах. Эля снисходительно слушает, время от времени вытягивает загорелую руку и любитесь обручальным кольцом на безымянном пальце. Лицо у нее довольное и презрительное, как у кошки.

Она первой из нашей четверки выскакивает замуж и не может скрыть чувства превосходства.

В голове у меня бродят печально-лирические мысли.

Если бы тогда, семь лет назад, я не взяла бы Элю на наше свидание с Богданом, может, сейчас я бы любовалась на подаренное им кольцо на своем пальце? Как бы сложились наши с ним отношения? Поженились бы мы, как я мечтала, или вскоре разбежались?

И признаю: все-таки то событие во многом определило мои отношения с противоположным полом. Я вечно боюсь, что мне предпочтут другую. И поэтому выбираю безопасное поведение «своего парня»... Флиртовать и кокетничать и вовсе не умею.

Мне хочется найти свою половинку, но когда я влюбляюсь, либо все порчу, либо, если мне отвечают взаимностью, быстро теряю интерес и иду на попятный.

Если твое сердце свободно, его никто не разобьет. Ты не проиграешь в соперничестве с другой, более женственной и красивой.

Знаю, все это неправильно. Мне не хочется думать об этом сейчас. Время отдыхать, а не копать в себе!

Но не мне одной в нашей компании взгрустнулось.

Маша тоже хандрит. Сидит, покусывает кончик косы, глаза опущены, ногой нервно подергивает.

– Маш, ты чего такая унылая? Блинчиков не хватило? – шутливо толкаю ее в бок.

Она отмахивается и принужденно улыбается.

– Да так, голова побаливает.

У нее звонит телефон, она судорожно хватается его, смотрит на экран, краснеет и жмет кнопку отбоя.

Я озадачена. У Маши какие-то проблемы? Она девушка сдержанная, делиться не любит. Но мне бы рассказала. Я ее уже пару раз выручала в прошлом. Надо улучшить момент, поговорить с ней наедине.

Может, она влюбилась? Или опять с бывшим сошлась? У нее был парень, Рома, но они расстались год назад, вроде как мирно.

Я немного тревожусь за нее.

Мы сходили поужинать, потом вернулись на улицу. Солнце садится, территория отеля погружается в сумрак, но веселье только начинается.

Зажигаются гирлянды и фонари. На лужайке полно народу. Сегодня сюда прибыла большая компания отмечать корпоратив. Богатенькая, должно быть, организация, потому что своим сотрудникам устроила и шведские столы, и развлечения разные.

Поставили игровой центр для взрослых! Тут и батуты, и пушки, которые стреляют шариками, горка с надувными санками, и боулинг, и роликовые коньки!

Солидные дяденьки и тетеньки так отрываются на этих аттракционах, что смотреть завидно.

Вика тут же подсуежилась. Ушла куда-то ненадолго, а когда вернулась, радостно сообщает:

– Я с организатором познакомилась, подружилась, нас тоже на площадку пустят. Айда барагозить! Нина, Маша – девчонки, что-то вы скисли! Вставайте! Завтра подумаете о своих проблемах. Ну ее эту меланхолию!

Она хватается нас за руки и тащит за собой.

Вот за что я люблю Вику – она всегда позаботится о развлечениях и не оставит тебя скучать в одиночестве. Один за всех и все за одного, особенно когда речь идет о том, чтобы оторваться. Она беспечная, еще больше, чем я. В ее отвязности есть капля агрессии. Скажем прямо: порой она бывает буйной. Но Вика щедро делится своей энергией с окружающими, за ней хочется поспевать.

А это то, что мне сейчас нужно.

Мы бежим в номер переодеться. Когда вновь спускаемся в лобби, девчонки спешат наружу, а я замедляю шаг и кошусь на прозрачные двери бизнес-центра.

Внутри светится одинокий монитор, за столом – очертания знакомой фигуры.

Гаранин еще там.

– Идите, я вас догоню, – говорю девчонкам.

Открываю стеклянные двери, вздрагиваю от прохлады. Тихо подхожу к Гаранину, сажусь за стол напротив и наблюдаю.

Он меня не замечает.

Свет монитора окрашивает его кожу в голубоватый оттенок, а вот борода отликает золотом. В его глазах горят зеленые огоньки. Вид у шефа потусторонний и демонический.

Он поднимает голову, вздрагивает, хмурится.

– Вы что-то хотели, Нина Егоровна?

Да, кстати, а что я хотела?! Что меня сюда притянуло, как магнитом?

– Самсон Викторович, пойдемте гулять!

Он откидывается на спинку стула, складывает руки на груди и смотрит на меня с легкой насмешкой и удивлением.

Да я сама себе удивляюсь.

– Зачем? – спрашивает он.

– Зачем все люди гуляют? – Чтобы скрыть смущение, я начинаю пассивно-агрессивную словесную атаку. – Чтобы воздухом подышать, отдохнуть. Вечер ясный, погода прекрасная. Скоро фейерверк обещали. Все любят фейерверки.

– Вам разве не с кем фейерверки смотреть, Нина Егоровна? – он говорит терпеливо, как с маленькой девочкой, которая требует от занятого дяди, чтобы он с ней поиграл. – Вы же тут с подругами.

– Да, но вы-то тут без друзей.

– Я тут по работе, а не на отдыхе.

– Ваш рабочий день давно закончился, Самсон Викторович. Вы прекрасно умеете планировать чужое время. А свой трудовой режим не соблюдаете. Сегодня, кстати, суббота. У нормальных людей выходной.

Я настаиваю потому, что если сразу пойду на попятный, будет понятно, какую глупость я сморозила с этим предложением. И еще потому, что прямого отказа пока не получила.

Ладно, если он хочет, чтобы его уговаривали, – буду уговаривать. Даже в глупостях я иду до конца.

Но я сержусь. Ломается, как девица на выданье! А еще биг-босс.

– Хватит отговорок, Самсон Викторович. Делу время, потехе час. И этот час настал.

И тут совершаю совсем уже немыслимое – встаю и закрываю крышку его ноутбука.

Он хмурится, я втягиваю голову в плечи. Сейчас мне влетит за вольность.

А он вдруг с юмором в голосе говорит:

– Ладно, идемте. Вы же иначе не отвяжетесь?

Развожу руками.

Я бы отвязалась, если бы он сразу меня осадил. Да я бы рада отвязаться! Надеюсь, Гаранин не решил, что я зову его на свидание.

Но когда мы выходим на улицу, я чувствую себя именно как девочка, которая позвала мальчика на свидание, и теперь и трепещет, и волнуется о том, как все пройдет.

Гаранин шагает неторопливо, заложив руки в карманы. Он переоделся: теперь на нем нет пиджака, только легкая темно-синяя рубашка и джинсы. Ему идет.

Он запрокидывает голову и с удивлением замечает:

– Надо же, звезды.

– В конце лета они яркие, – подхватываю разговор. – Но тут их плохо видно, свет от фонарей мешает. Да еще гирлянды развесили...

– Давайте тогда по парку погуляем, где темнее и народу нет. Здесь слишком шумно.

Прибывшие на корпоратив сотрудники что-то скандируют хором на площадке. Играет музыка, туда-сюда снуют официанты. Пожалуй, мне тоже не хочется в толпу, а хочется тишины.

Парк при отеле темный и загадочный. Трещат сверчки, аллеи едва подсвечены, зелень подстриженных кустов в свете редких фонарей кажется изумрудной.

Чем дальше мы уходим, тем реже эти фонари попадаются.

Но мы тут не одни – время от времени до нас долетают обрывки чужого смеха и разговоров. Обычно это пара голосов – мужской и женский.

Тут бродят любители вечерней романтики.

Осознаю, что подспудно жду от нашей прогулки чего-то такого... романтического.

– Нина, мне безопасно с вами гулять? – вдруг спрашивает Гаранин.

– А вы чего боитесь? – спрашиваю ошарашенно.

– Вашей кармы. После сегодняшнего разгрома библиотеки я начинаю в нее верить. Нас с вами не ожидает новое приключение с вашим спасением?

– Ну, здесь на нас вряд ли бросится из кустов маньяк или оборотень.

– Надеюсь, что нет, – отвечает он с легким сомнением. – А вечер и правда хорош. Я пока не жалею, что бросил читать интереснейший отчет на середине.

А я вот уже жалею о своем порыве. Надо как-то быстренько провести шефа по аллеям, выгулять хорошенько, и вернуться к девчонкам.

– Давайте, Нина, развлекайте меня, раз от дела оторвали, – требует Гаранин весело.

– Как развлекать?

– Расскажите что-нибудь забавное.

– А давайте вы теперь мне что-нибудь расскажете, – парирую я и слышу в своем голосе кокетливые Викины нотки. Морщусь. Мне такое несвойственно.

– У меня жизнь не такая богатая на дурацкие события. Могу рассказать о том, как организовывать рабочий процесс – хотите послушать?

– Нет.

– А придется. Чего время зря терять? На звезды мы уже насмотрелись, воздухом надышались, голову проветрили. Самое время начать вашу подготовку к роли моей помощницы.

И он правда начинает читать лекцию о том, как держать все под контролем! Как планировать день, как хорошенько обдумывать возможные препятствия, которые могут встать на пути намеченного. Как все предусмотреть и бороться со случайностями.

После пары минут отключаю слух. Киваю и мычу.

Да-да, Самсон Викторович, я обязательно буду вести график. Составлять карту дня. Отмечать галочками сделанное, просматривать почту за обедом, не заходить в соцсети на работе.

Господи, какое разочарование.

Мы углубляемся в парк. Тут уже тьма кромешная. Далеко, над вершинами елок, горят окна отеля, музыка едва слышна, только гулко вибрируют низкие биты. Вечерний воздух приятно прохладный, пахнет травами и грибами.

И тут из кустов доносится пронзительный, вызывающий острую жалость звук.

– Тихо! – перебиваю Гаранина. Тот от удивления замолкает на полуслове. – Что это? Слышите?

– Слышу. Кошка орет.

Сворачиваю с дорожки и лезу сквозь кусты.

– Вы сбежать решили? – догадывается Гаранин, шурша ветками за спиной. – Я вам уже надоел?

Выхожу на полянку, задираю голову и ахаю.

– Уау-ау-ау! – истошно воют у меня над головой.

Включаю фонарик на телефоне и свечу наверх.

На толстой ветке распластался черный котенок-подросток. Его глаза горят, как два неоновых огонька.

– Он слезть не может! – Я хватаю шефа за рукав. – Вот бедняжка!

– Слезет, куда денется, – отвечает Гаранин с ледяным равнодушием. – Есть захочет и спрыгнет.

– Он не сможет! Он там умрет! Что же делать? – размышляю вслух. – Спасателей позвать? Вряд ли они сюда поедут.

– Нина, не надо, – предупреждает Гаранин угрожающим тоном, угадав мои намерения. – Бросьте эти мысли. Вам бабочки мало?

– Спокойно, я справлюсь, – уверяю его, подхожу к дереву и примеряюсь, куда поставить ногу. – Тут невысоко. И это же береза, а не стеллаж, она не повалится. А я отлично карабкаюсь по канату и падать умею. В детстве на гимнастике научили. Вы меня снизу подстрахуйте только.

– Отойдите, – Гаранин отодвигает меня железной рукой. В его голосе обреченность и досада. – Я сам его сниму.

Смотрю на него с сомнением.

– А вы точно справитесь?

– Я тоже умею падать. И я занимался скалолазанием. Уж березу-то как-нибудь покорю. Кажется, им овладел азарт. Он рвется геройствовать, хоть и делает вид, что вынужденно. Умом понимаю, что затея все-таки небезопасная, но Гаранин уже подпрыгнул, ухватился руками за нижнюю ветку, подтянулся и мигом перебрался на следующую.

Я впечатлена его ловкостью, но все же переживаю. За босса больше, чем за кота.

А кот, увидев, что помощь близка, совсем обезумел. Уши прижал, вопит, как сирена.

Гаранин добирается до нужной ветки, ложится на нее животом и ползет вперед. От волнения я по детской привычке кусаю кончики пальцев.

А если он упадет? Тут метра два-три до земли. Если шеф шлепнется, ему будет больно. Еще что-нибудь себе сломает. Будет лежать в больнице, весь загипсованный, а я буду кормить его бульоном с ложечки и терзаться чувством вины.

Нет, не надо об этом думать. Все будет хорошо. Вон он какой сильный и ловкий, как саблезубый тигр.

– Иди сюда, сволочь, – рычит «саблезубый тигр».

Котенок начинает дурить. Он решил, что к нему подкрадывается хищник. Поэтому перебирается подальше, на кончик ветки и настороженно замолкает, лишь изредка шипит, как утюг.

– Самсон Викторович, спускайтесь, ну его! – кричу ему. – Дураков спасать себе дороже.

– Спокойно, я его уже почти достал.

Гаранин тянет к котенку руку с хищно растопыренными пальцами.

За спиной у меня шуршат кусты, раздаются чьи-то голоса.

Поворачиваюсь: на полянку пробираются два темных силуэта. Это парочка, парень и девушка. Они идут в обнимку и ничего не видят вокруг себя. Очертания их голов сливаются в страстном поцелуе. Они уже почти под березой, на которой застряли Гаранин и кот.

Я выхожу из-за ствола и собираюсь окликнуть их – может, попросить помощи в спасательной операции. Но не успеваю.

Кот испугался появления новых врагов и решился на отчаянный шаг. Он выпускает безумный мав и сигает вниз, прямо на плечи парню.

Дальше события развиваются очень быстро, я даже не успеваю ничего предпринять.

Парень охает, приседает и волчком крутится на месте. Девушка отскакивает в сторону и визжит. Кот шипит, прыгает с плеч в кусты – и был таков!

У меня над головой что-то ломается с треском, потом летят ветки, листья, кора, а затем на землю обрушивается шеф.

Гаранин и правда умеет падать: он успевает сгруппироваться и приземляется, эффектно сделав кувырок. Но у меня все равно больно екнуло сердце.

После кувырка он оказывается на четвереньках. В падении его рубашка растянулась, выбилась из джинсов и налезла ему на голову. На его голой спине отражается лунный свет, а передняя часть его тела, обтянутая тканью, сливается с темнотой. Поэтому кажется, будто неизвестно откуда перед нами материализовался безголовый монстр.

Который издает низкий рык. Это очень страшный, леденящий душу звук, в котором нет ничего человеческого – ну, кроме смутно угадываемого нецензурного слова.

Парень повторяет это слово, очень звонко и отчетливо. А потом взвизгивает совсем по-девчоночьи и пускается наутек, бросив свою барышню.

А ее вопль уже перешел в ультразвук.

– Не бойтесь! – кричу в отчаянии.

Но она мне не верит: бешено размахивая руками, она несется за кавалером, с носорожьей грацией вламывается в кусты и исчезает.

Топот ее каблуков стремительно удаляется по дорожке.

– Что случилось? – встревоженно спрашивают издалика.

– Не ходите туда! Там оборотень! Или маньяк! – панически вопит девица.

– Чего? – озадаченно переспрашивает знакомый женский голос и заинтересованно предлагает:

– Девки, айда посмотрим!

Я бросаюсь к Гаранину.

– Самсон Викторович, вы живы?

– Жив, – бросает он с великолепной яростью и встает на ноги.

Шатается и чуть не падает, потому что ничего не видит. Сдавленно ругается и начинает сражаться с рубашкой на голове.

– Ешкин матрешкин! – потрясенно восклицает все тот же знакомый голос, и меня ослепляет вспышка – в темноте загорается фонарик на телефоне. – Нина, ты чего опять натворила?! Мы тебя потеряли, ищем повсюду!

На лужайке в шоке застыли Эля, Вика и Маша.

– Мы котенка спасали, – бормочу в ответ.

Гаранин одергивает рубашку. Он красный, взъерошенный и очень злой.

– Добрый вечер, Самсон Викторович, – здоровается с ним вежливая Маша.

– Ну как, спасли котенка? – интересуется Эля с легкой насмешкой, многозначительно подняв бровь, когда Гаранин начинает заправлять рубашку в джинсы. – Где он?

– Котенок убежал, – объясняю торопливо.

– А ту девчонку кто напугал? И парня? – допрашивает Вика.

– Мы напугали, – признаюсь я. – Они приняли нас за оборотней. Все вышло случайно.

– Случайно! – рычит Гаранин.

– Вы сами вызвались на березу лезть, я тут ни при чем, – напоминаю ему, на всякий случай отступая на шаг. Гаранин прищуривается и одаривает меня таким взглядом, что у меня начинают дрожать поджилки.

– Вы здорово умеете карабкаться наверх, – продолжаю неубедительно. – Как электромонтер. И падаете ловко... как каскадер! Вам бы в индийском кино сниматься. Там такие крутые спецэффекты!

Гаранин молча поворачивается и выбирается на дорожку.

Бросаю девчонкам красноречивый взгляд, машу рукой, чтобы отстали, и бегу за шефом.

– Самсон Викторович, вы на меня сильно сердитесь? – говорю ему в спину виновато.

Он задерживает шаг и оборачивается.

– Нет, Нина, совершенно не сержусь, – отвечает он чересчур спокойным голосом. – Меня действительно никто не заставлял лезть.

– Вы не ушиблись?

– Нет.

Он отворачивается и продолжает путь. Догоняю его и иду рядом.

– А котенок убежал, тварь неблагодарная, – расстроено сообщаю Гаранину.

А тот вдруг начинает смеяться.

– Нина Егоровна, у вас настоящий талант втравливать себя и других в идиотские ситуации.

– Я вас не втравливала...

– Вы собрались лезть на дерево спасти очередное животное. А я повелся как мальчишка и решил сыграть в рыцаря. Мы оба хороши.

– Зато вам будет что вспомнить!

– Да уж, воспоминаний вы мне обеспечили немало.

Он останавливается, и я по инерции налетаю на него.

– Вы мой герой! – выпаливаю с перепугу.

Гаранин придерживает меня за плечи, наклоняется и вглядывается в лицо.

– А какая герою причитается благодарность? – спрашивает со зловещей интонацией.

– Какая? – переспрашиваю благоговейным шепотом, прикидываясь дурочкой.

Ну ясно же, как героев благодарят. Жарким поцелуем! И это только для начала...

Неужели он намекает именно на это?

Да быть не может!

Оказывается, еще как может. Потому что его ладони делаются тяжелее, а большие пальцы мягко поглаживают мои ключицы в вырезе футболки.

В груди у меня все сжимается от страха и предвкушения.

Гаранин наклоняется еще ближе.

Мы стоим недалеко от фонаря, на границе светового круга. Левая сторона Гаранинского лица в тени, правая освещена. Вид у шефа дикий. В бороде запутались кусочки березовой коры, на виске небольшая ссадина – все-таки падение не прошло для него даром.

Глаза прищурены, ноздри слегка раздуваются.

У меня перехватывает дыхание.

А может, я неправильно все понимаю? Может, он меня не поцеловать, а придушить хочет? Лучшая благодарность герою – смерть источника его неприятностей!

Что мне делать? Вырваться? Или дожидаться, пока он не подтвердит свои намерения?

Шумно слглатываю и перевожу взгляд на его губы. Они совсем близко от моего лица. По телу бежит горячая волна, сердце начинает отбивать чечетку. Нет, не от страха.

Вырваться и убежать мне совсем не хочется. Мне хочется узнать, что произойдет дальше.

Сумрак... звезды... тишина... злой и возбужденный красивый мужчина крепко держит девушку за плечи и испепеляет взглядом.

Такую сцену даже в кино хочется досмотреть до конца. А уж стать ее участницей и подавно!

И я очень рада, что главную мужскую роль здесь играет именно Гаранин...

Увы, сцена обрывается на самом интересном.

В фонарный круг входят две фигуры. Мужчина что-то говорит, женщина смеется мелодичным смехом.

Они замечают нас и останавливаются. Мы с шефом разрываем зрительный контакт и синхронно поворачиваем головы в сторону пришельцев.

Шеф отпускает меня, выпрямляется и натурально застывает. На его лице очень странное выражение. Как будто он увидел привидение.

Женщина тоже застывает, выпускает руку своего спутника. А потом произносит с непомерным удивлением:

– Сема?! Вот так встреча!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.